

и растить детей, стареть и провожать друг друга на кладбище. История здесь неподвижна и замкнута.

Биографию не так уж и обязательно начинать с самого начала, - не любое начало жизни есть начало биографии. Но мы говорим о Ризаэтдине Фахретдинове, здесь важно абсолютно все!

В день появления на свет Ризы его отец Фахретдин Сайфетдин был в отъезде. Возвратившись, он нарек младенца Ризаэтдином в память о своем сыне, умершем за два года до этого.

Семьи сельских имамов небогаты, в них не принято держать для ухода за детьми кормилиц или служанок. Мать Ризы пришла сюхой в семью, состоящую из свекра, свекрови, братьев и сестер его отца и нескольких осиротевших детей близких родственников. Риза рос под присмотром матери, питаясь грудным молоком. Летом мать брала ребенка с собой на сенокос и жатву.

Одно из первых детских впечатлений Ризаэтдина Фахретдина связано с сенокосом на Банной реке неподалеку от Кичучатово. Взрослые были заняты на покосе, мальчик один пошел в лес и заблудился. Долго он блуждал между большими деревьями, не находя дороги, не зная, в какую сторону идти, прошел глубокий овраг и остановился у большого пня. Со всех сторон он слышал много разных голосов, которые его звали, но он стоял молча, пока его не нашли. Все это врезалось в память - ощущение, что ты один в лесу, люди издалека ищут и зовут тебя, но ты, погруженный в мир собственных переживаний, не отзываешься.

Вспоминания не раскатываются, как обои, они идут случайными клочками. Еще одно из них. Как-то зимой поутру мальчик вышел на гумно, где молотили зерно. Чешуя и сор, отделившиеся от зерен, улетали в сторону восходящего над дальними холмами солнца. То ли, ослепленный его лучами, Риза не увидел, как этот сор падает на землю, то ли ему показалось, что чешуя от зерен не притягивается землей, а уносится с ветром куда-то под облака, но он спросил у своего брата, который был на двенадцать лет его старше: «Куда улетает сор?» Тот, не задумываясь, ответил: «В Макарьево». Эти слова надолго осели в детской памяти. Даже позже, когда Риза узнал, что село Макарьево является не местом восхода солнца, а огромной ярмаркой, куда люди съезжаются всего лишь для того, чтобы продать или купить товар; когда Риза понял, что сор выходит из

земли и в нее же всегда возвращается, он продолжал твердо верить, что село Макарьево находится где-то далеко на востоке, там, где рождается солнечный восход. Лишь гораздо позже, увидев на карте, где именно находится Макарьевская ярмарка, он избавился от представлений о том, что солнце восходит над Макарьево.

Если взять в руки любую биографию известного человека, в ней непременно будет попытка установить ведущую черту его характера. К примеру, мальчишка Ломоносов со знаменитым узелком и тремя конейками в кармане, Пушкин с его царскосельскими стихами, Эдисон с его типографией в вагоне железной дороги, Наполеон в военном училище, Ленин в гимназии...

У каждого с юности пропасть какая-то особенность, которая затем определяет его судьбу, какая-то характерность, доминанта, которой человек отличается от своих сверстников или даже родных братьев. Почему Риза не переспросил своего старшего брата, что же это за место такое - Макарьево, почему сор летит именно туда, где поднимается солнце? Ризаэтдин Фахретдинов вспоминал, что с детства у него возникла эта привычка - о непонятном ни у кого не спрашивать и подолгу, пусть и не всегда результативно, размышлять о сложных вещах самому, людей и события оценивать самостоятельно. Он вспоминал, как в детстве иногда и мучился оттого, что никак не мог уяснить сути самых простых вещей, не желая при этом обращаться за помощью к другим.

Однажды, когда Риза играл на улице со сверстниками, сверкнула молния, прогремел гром и кто-то из ребят сказал: «Пойдемте домой, а то дедушка Аллах ударит своим огненным посохом». Так как дома Риза никогда не слышал выражения «дедушка Аллах», он удивился и долгое время не мог понять, кто же это такой. Детские мысли будущего муфтия об Аллахе, о пророке Мухаммаде, о Мекке и Медине или о путешествии пророка в Сирию были столь поразительны, что описать их просто невозможно!

Вспоминая об этих детских фантазиях через десятилетия, Ризаэтдин благодарил судьбу, что все-таки не стал в свое время спрашивать о Макарьеве. Возможно, он получил бы еще несколько насмешливых ответов и окончательно бы запутался. Эти вроде бы незначительные события оказались для его дальнейшей жизни отнюдь не бесполезны. Возможно, бла-

годаря им и еще некоторым похожим случаям, он выработал позже простые правила для воспитания детей в своей собственной семье.

Во-первых, решил Ризаэтдин, нужно предельно внимательно относиться к детским вопросам и разъяснять детям все как можно серьезнее, короче и четче, по возможности не противореча при этом истине, не кривя душой. Сделав это правило одним из принципов воспитания, он старался ему следовать. Во-вторых, решил Фахретдинов, неверно, обучая детей, говорить с ними о том, что недоступно их уму. К примеру, не следует давать детям, еще толком не знающим своих родственников и ближайших соседей, сведения, касающиеся Аллаха и жизни пророка Мухаммада. Следует терпеливо ждать, когда это станет доступно их разуму, ведь из-за преподавания ислама раньше времени у ребенка могут сложиться неверные представления о нем, а выкорчевывать всегда значительно труднее, чем сеять. В-третьих, надо давать детям не теоретические знания по предмету, а начинать с самых простых уроков, например, обучая математике, использовать для счета палыцы, орехи или яблоки.

Первый урок арифметики Риза прошел в восьмилетнем возрасте. Его любимцем был кучер Аюб, служивший у его отца. Во время поездок на Макарьевскую ярмарку Риза часто ездил вместе с ним. В одну из таких поездок по Казанско-Уфимской почтовой дороге Риза спросил у кучера, как называется следующая станция и сколько до нее верст. Вдоль тракта были установлены верстовые столбы, но Риза не был знаком с цифрами. Кучер попытался объяснить. Когда он сказал, что дважды десять будет двадцать, Риза не почувствовал подвоха. Поэтому, когда Аюб начал спрашивать у Ризы, сколько же будет дважды двадцать и дважды тридцать, тот ему ответил, что дважды двадцать будет тридцать, а дважды тридцать будет сорок. Услышав это, Аюб стал смеяться и попытался объяснить правила арифметики еще раз, но Риза, зная по опыту, что Аюб любит шутить и переворачивать смыслы слов, отказался его слушать. Когда же они вернулись в дом и сели пить чай, Аюб все рассказал дяде Ризы Гильману Карими, а тот на простых примерах очень быстро объяснил Ризе приемы вычисления.

И в-четвертых, говорил Фахретдинов, начав обучение, нужно давать детям простые, доступные их пониманию сведения по географии и истории.

2.

Тридцать лет я искал Бога. Но когда я взгляделся, то увидел, что на самом деле Бог был искателем, а я - искомым.

Баязид Бистами

Осенью 1867 года Риза вместе со своим дядей Гильманом отправился учиться в медресе города Чистополя к известному мударрису Закиру Камалову. Прошла зима, весной Риза вернулся домой и на следующий год в медресе не поехал. Его дядя Гильман стал имамом в одной из дальних деревень, а девятилетнего Ризу отпустил в далекое медресе родители не решились. Когда Ризаэтдин рассказывал своим родственникам о годах учебы, он всегда жалел, что не смог закончить учебу в Чистопольском медресе, после окончания которого можно было поступить в русскую школу.

В 1869 году Ризу вместе с его братом Кашифетдином отправили учиться в старометодное медресе деревни Нижние Шелчелы, что в двадцати верстах от Киччатово, в котором он провел десять лет. С огромным сожалением Фахретдинов вспоминал об уровне знаний, которое давало это медресе.

...Однажды в медресе в гости заехал бывший шакирд, закончивший к тому времени Оренбургскую учительскую школу и собирающийся преподавать русский язык. Шакирды Шелчелейского медресе в это время были заняты чтением «Шархе-мавакыйф», старинного сочинения по естествознанию, и, решив узнать, каково мнение русских о земном шаре, задали гостю вопрос: «Как считают русские ученые: Земля стоит на месте или же постоянно идет вниз?» Тот ответил: «В прочитанных мной книгах говорится, что Земля движется на восток». После отъезда гостя Риза со своим другом Фариодом долго искали подтверждение этих слов в «Шархе-мавакыйф» и в других книгах. В результате решили: «Либо гость из Оренбурга ничего не понял, либо русские ничего не знают».

Вскоре дядя Ризы Гильман купил учебник географии под названием «Нозхател-болдан». Риза привнес эту книгу в медресе, а его приятель Фарида взял учебник почитать. Ночью, когда Риза уже лег спать, возбужденный Фарида пришел к Ризе: «Есть важная весть». Риза зажег свет.

«Что случилось, брат?»

«Земля-то, оказывается, вертится, а солнце стоит на одном месте. Ну как? Веришь или нет?»

«Шутишь, наверное».

«Да нет, вот в книге написано».

«В этой? Может, ты неправильно понял?»

«Да, вот здесь. Я перечитал несколько раз. Здесь все доказано, и я полностью уверен в этом».

Прочитав книгу, Риза узнал, что Земля действительно вертится вокруг солнца. На следующий день приятели попытались рассказать об этом другим шакирдам, но над ними только смеялись: «Если бы это было так, нам бы пришлось ходить вниз головой, как тараканам на потолке. Почему же мы не падаем вниз, и как же реки и моря не выливаются?» Риза решил не спорить, чувствуя, что к этому еще не готов. «Нозхател-болдан» он перечитывал потом еще несколько раз. Книга стала поводом к знакомству с географией.

В медресе, в особенности в зимнее время, шакирды «встречались с чертом». Не раз случалось, что, выйдя в ночное время по нужде, они забегали в медресе с криками: «Видели черта в столовой». Медресе, вспоминал Фахретдинов, казалось королевством чертей, а шакирды - их пленниками. «Там, где много священных книг, много и бесов», - говорили даже некоторые из преподавателей.

Фахретдинов вспоминал, что, продолжая учиться в медресе, но будучи уже взрослым человеком и понимая, что детские страхи могут привести к серьезным болезням, он старался внушить молодым шакирдам: «Не верьте никому, кто говорит, что видел чертей, - я сам живу в медресе столько лет и никаких чертей не видел. Если даже они есть, мы их всех прогоним. Делал я это, чтобы искоренить страх у детей перед дьяволом, уменьшить силу рассказов о чертях, наводящих на детей ужас. Сказанное мной произвело эффект разорвавшейся бомбы и быстро распространилось по всему медресе. Даже некоторые мои сторонники говорили мне: «Не надо было говорить такое».

Когда мне говорили: «Священный Коран сообщает о существовании бесов. Какими доводами будешь опровергать то, что доказано Кораном?», я отвечал: «Коран сообщает о появлении бесов и о том, как они сделали кое-какие чудеса для некоторых пророков. Однако это не означает, что они до сих пор могут быть причиной болезней».

Однажды зимой шакирды услышали, что из бани соседа Мухаммедшаха доносится плач ребенка. Баня эта была наполовину занесена снегом, ни у окна, ни у дверей не было заметно следов. Кем же могло являться существо, плачущее как ребенок, в нетопленной целую неделю бане, да еще поздно вечером, если не бесом?! От страха дрожали все шакирды, было ясно, что, если не провести расследования, страх перед нечистой силой заполнит собой детские умы. Баня действительно оказалась нетопленой, нежилой, но после недолгих поисков под крышей Риза увидел сову, крики которой походили на детский плач.

А как-то ночью шакирды увидели свет в окнах мечети. Никто не сомневался, что свечение имеет дьявольскую природу, но при внимательном рассмотрении оказалось, что в окнах медресе отражался свет из окон дома, находящегося неподалеку.

В другую ночь шакирды увидели свет уже внутри минарета. Чтобы доказать существование дьявола, показали это и Ризаэтдину. Он же, утомленный слишком частым появлением «бесов», ответил: «Уверен, что чертей там нет, но расследовать не хочу, пойду спать». На следующее утро все медресе было взбудорожено невероятным событием. Некий Мухаммедвали с дружками отловили голубей, обитающих в минарете, сварили их в столовой и съели, угостив при этом некоторых шакирдов. Виденный ночью в минарете свет оказался огнем от свечей охотников за голубями. Тайна эта к утру стала известна всем: те, кому не удалось попробовать голубятину, требовали расправы над виновными, говоря, что убийство таких святых созданий, как голуби, да еще обитающих в минарете, равносильно человекоубийству; те же, кто успел попробовать голубятину, всех успокаивали и говорили, что ничего, иногда можно...

3.

В 1879 году Ризаэтдин решил ехать в Астрахань, чтобы увидеть знаменитые медресе и познакомиться с новыми методами обучения.

Отец Ризы через своего брата Мингазетдина попросил об этом разрешения у руководителя медресе Габдельфаттах хазрата. Хазрат ответил так: «Если Ризаэтдин уедет в Астрахань, он, возможно, обратно уже не вернется. Если ему хочется увидеть другие медресе, пусть едет в медресе Кизляу». Он сказал это, зная, что старометодное медресе деревни Кизляу, из-

вестное крайне низким уровнем преподавания, Ризаэтдин только разочарует.

Самостоятельно Ризаэтдин Фахретдинов изучил арабский, персидский и турецкий языки. Его дочь вспоминала, как он говорил своим детям: «Курсави, Марджани, Баруди и другим ученым было намного легче, чем мне, ведь они с юных лет занимались в знаменитых медресе Бухары у известных преподавателей. В то время, как они черпали знания, я был вынужден добывать их по капле».

Прежде чем ехать в Бухару, Ризаэтдин решил посоветоваться со своим отцом, Фахрутдином-хазратом. Тот, обняв сына, заплакал: «Если ты уедешь туда, то не сможешь скоро вернуться, и я тебя никогда не увижу». Чтобы не обидеть отца, Ризаэтдин был вынужден от этой поездки отказаться.

В медресе он страдал от невозможности найти нужные ему книги. Ризаэтдин мечтал изучить арифметику, но рядом не было ни учебников, ни людей, способных объяснить простейшие правила. Он вспоминал, как долго искал хоть какую-нибудь брошюру на татарском языке, ездил для этого на Макарьевскую ярмарку, но ничего полезного не нашел. Лишь позднее он смог случайно купить книгу под названием «Хисаплык» - «Арифметика», написанную Габделкаюмом эфенди. Занимаясь каждый день по этому учебнику, он изучил все правила, а затем сам написал брошюру для шакирдов медресе и стал давать уроки арифметики всем желающим.

В 1884 году в руки Фахретдина неожиданно попала газета «Тарджеман» - «Переводчик», которую Исмаил-бей Гаспринский только начал издавать. Ризаэтдин смог подписатьсь на газету, постоянно ее читал, считая знакомство с ней одним из ключевых событий для своего развития как личности.

* * *

...А теперь хотелось бы рассказать одну суфийскую обучающую историю о птице и яйце.

Жила-была птица, которая не умела летать. Подобно бескрылым созданиям она ходила по земле. Однажды в ее гнездо случайно попало яйцо летающей птицы, и она высидала его вместе со своими. Вылупившийся птенец стал расти, но присущая ему способность летать никак не могла проявиться. Иногда он спрашивал свою приемную мать: «Когда же я полечу?» Привязанная к земле птица отвечала:

«Чтобы взлететь, ты должен быть настойчив в своем стремлении, как все птицы».

Она ведь не могла дать своему птенцу урок полета. Она даже не знала, как вытолкнуть его из гнезда, чтобы он мог убедиться в своих силах. Но странно, что птенец сам не замечал этого. Чувство благодарности к приемной матери не позволяло ему понять свое положение.

«Если бы не она, - рассуждал он, - я до сих пор оставался бы в яйце». Иногда он говорил себе так: «Тот, кому я обязан своим появлением на свет, конечно, в конце концов научит меня летать. Это только вопрос времени или, возможно, все зависит от моих собственных усилий, а, может быть, для этого надо обладать какой-то высшей мудростью - других причин нет. Птица, которая привела меня к моему теперешнему состоянию, в один прекрасный день поднимет меня на следующую ступень...».

Так он ждал довольно долгое время, пока наконец, не выпрыгнул из гнезда и не полетел сам.

* * *

Весной 1889 года Ризаэтдин распроцдался с медресе, в котором провел ровно двадцать лет. Было ему тогда тридцать один год. Медресе он покидал с чувством горечи: знания, которые он получил за долгие годы, приходилось собирать по крупицам. В последний год обучения в медресе он написал трактат «Подарок для близких друзей» и учебное пособие по арабской грамматике «Китабе ат-тасриф». Через год в Казани издаются книги Фахретдина «Китабе аль-игтибар» и «Вводная книга», популярно объясняющая каноны религии по вопросам наследства. Всего же Фахретдиновым к этому времени были опубликованы пять книг.

Это небольшие брошюры из серо-синей бумаги без жесткого переплета. Ризаэтдин еще не знает, что они определят всю его последующую жизнь.

4.

Говорят, что драматургия пошла от праздников Диониса. Греческая, - возможно, но в Уфе для туник холодновато, а дионисов не любили околоточные. Но кто станет отрицать, что драматургия в чистом виде присутствует на базарах, где люди с одной телеги перекликаются с другой, что она возникает в жарких застольных беседах в соседних с Гостиным двором

трактирах и чайханах? Искусство всегда немногого баржено, в нем присутствует шелестящий говор толпы, разноплеменный гул большой площади. Основа его - диалог. Между одним и многими, между сведущим и профаном, между мовою и мнением, между автором и его терпеливым читателем.

Фахретдинов весь - в девятнадцатом веке, весь он - устремлен в двадцатый.

Национальный театр еще не родился, драматургия только намечается, но ее голоса уже слышны в той перекличке смыслов, на которой уфимский казый строит свою прозу.

Кто говорит в его книгах? Учителя, купцы, чиновники, духовные лица, сам автор. В его сочинениях люди встречаются, беседуют о науке, промышленности, образовании, искусстве, спорят между собой, и в спорах раскрывают себя - свои мысли и намерения. Такие выдуманные встречи и беседы между реальными персонажами Фахретдинов именует «меджлис».

Встречи-меджлис - это картинки, наброски, маленькие этюды, из которых растет взрослый театр.

Вот, к примеру, названия выдуманных диалогов между вполне реальными лицами - «Вильдан и я», «Я и Госман», «Закир и Шакир», «Сагит, Сулейман, Салим», «Хасан и Хусайн», «Мулла Бикбулат и Госман». Эти мифические встречи происходят в Уфе или Казани, разговор в них ведется о преимуществах и недостатках религиозного и светского образования, о медресе, гимназиях и университетах. Это уже не «чистая проза», в некоторых встречах-меджлисах угадываются фрагменты будущих пьес.

Фахретдинов в этих диалогах много говорит о себе, о своих книгах, таких, как «Салима».

Так, одно меджлис-застолье начинается небольшим зачином - «Была прочитана молитва из Корана. Расставлена посуда. Каждому из присутствующих подали угощение». После короткого вступления пересказывается содержание беседы: «Надирбай (из авторитетных иуважаемых торговцев города). Почтенные хазреты! Надо бы обратить внимание на издание книг и по возможности взять это дело под надзор. Знаете, начали распространяться ненужные вещи.

Было издано нечто под названием «Студент». На днях появилась «Салима». Вам следовало бы, хазреты, принять меры, чтобы запретить издание подобных вредных книг, ведь могут быть изданы после них еще более дурные вещи.

Муфтий Ризатдин
Фахретдинов

Мулла Сулейман. Вряд ли будет напечатано и распространено сочинение сквернее «Салимы». Это немыслимо...»

Далее в спор вступает некий Саяр, который защищает новометодные школы и достижения современной культуры, говорит о необходимости изучения русского языка. Во всех этих диалогах уже есть признаки театра, но встречи-меджлис написаны все же для медленного вдумчивого чтения.

Сценки-диалоги, которые создает Фахретдинов, как бы готовят почву для возникновения национального театра. Если драмы Г. Камала, Ф. Халиди, Г. Ильяси - первые ласточки татарской драматургии, в связи с опытами Фахретдинова можно говорить о возникновении драматургии в Башкирии.

5.

Как появился Фахретдинов в Уфе? Как вообще смог сельский имам, прослуживший менее двух лет в деревенской мечети, стать казыем, судьей Духовного собрания? Какие связи, интриги и рекомендации к этому привели?

Не было ни знакомств, ни интриг, ни рекомендательных писем. Как и сегодня, порядок в то время в типографиях был строгий - каждая изданная книга имела свои «обязательные экземпляры», которые рассыпались по инстанциям. Все пять книг Фахретдинова попали на стол уфимского муфтия Мухамедьяра Султанова. Прочитав их, он сказал: «Найди ученого имама и пригласить его ко мне».

Осенью 1890 года от уфимского казыя Халила в деревню Ильбяково, где служил Фахретдинов, пришло письмо: «Необходимо срочно прибыть в Уфу». Причина

была таинственна, и уж конечно Ризаэтдин не предполагал, что ему предложат стать казыем - религиозным судьей, толкователем законов, арбитром в спорах - на этих должностях работают пожилые люди, умудренные опытом. Но муфтий Султанов убеждает: «Ваше знания, молодость очень подходят для этой должности. Проншу согласиться». В феврале следующего года Фахретдинов с семьей переезжает в Уфу.

Под началом уфимского муфтията в то время находились более четырех тысяч приходов и столько же мечетей, три с половиной миллиона мусульман. В здании над склоном уфимских холмов скапливались бумаги, рукописи, исторические и биографические документы. Ризаэтдин приводит в порядок запачканные и исписанные бумаги, создает архив и библиотеку Духовного управления, собирает материалы для своих будущих фундаментальных трудов.

Работая с архивными материалами, он воссоздает историю своего рода до тринадцатого колена, до предков, которые жили еще в Булгарском государстве. Генеалогическое древо рода выглядит следующим образом: Тансар - Кармыш аль-Булгари бине Тансар - Бахшанда (Бак шунда) бине Кармыш - Кайбулла (Хабибулла) бине Бахшанда - Жанкилде бине Кайбулла - Тумкай (Туй-Мухаммет) бине Жанкилде - Ишкай (Ишмухаммет) бине Тумкай - Юлдаш бине Ишкай - Бикмухаммет бине Юлдаш - Субханкул бине Бикмухаммет - Сайфетдин бине Субханкул (1778-1861) - Фахретдин бине Сайфетдин (1819-1891) - Ризаэтдин бине Фахретдин.

Фахретдинов выписывает из мусульманских стран журналы, газеты, книги по истории и культуре, подвергая все материалы тщательной систематизации. «Став казыем, я съзнова начал учиться почти с азбуки», - говорит он о себе. Особенно углубленно он изучает арабский язык и литературу, богословские труды. Любимые его предметы - биографии выдающихся мусульман России и история развития культуры и искусства тюркских народов. Здесь, в Уфе, он начинает работу над самым значительным своим трудом - биобиографическим сборником «Асар», основанном на документах. Название можно перевести как «следы» или «памятники», если шире - «следы, которые одаренные люди оставляют в вечности». Эта многотомная монография, составленная в хронологическом порядке, посвящена жизни и творчеству деятелей культуры, просвещения, науки тюркских и других народов мусульманского

мира. Над этим трудом Фахретдинов работает многие десятилетия.

«Когда он занимался научной работой, он проводил многие часы в архиве, приведенном в порядок им самим, - вспоминала его дочь Асъма. - Он листал исторические труды, метрические книги, пытаясь найти или проверить необходимые ему даты. Он сам говорил, смеясь: «Если кто-нибудь наблюдает за мной со стороны, то скажет: «Что за богатство ищет в архиве Риза казый, наверняка там есть какой-нибудь клад, и он пытается его найти». Однако для меня узнать верные даты рождения и смерти трех-четырех ученых для книги «Асар» дороже, чем ведро золота».

Первая часть сборника биографических очерков «Асар» выходит в Казани в 1900 году, вторая - в 1901, третья - в 1903, четвертая, пятая, шестая, седьмая и восьмая части издаются в 1904 году в Оренбурге. Биографические сведения в «Асар» перемежаются замечаниями автора и критическим анализом, касающимся исторических и богословских вопросов.

«Асару» близок цикл критических биографий Фахретдинова «Замечательные люди», рассказывающий о деятелях мусульманской науки. Изданы были шесть частей цикла - «Ибн Рушд», «Магарри», «Ибн Гараби», «Ибн Теймийе», «Имам Газзали» и очерк о современном Фахретдинову ученом Ахмеде Митхате.

Ризаэтдин пишет биографии замечательных женщин старого и нового мусульманского мира.

Не прошло и десяти лет после приезда в Уфу, а Фахретдинов изумляет всех своими знаниями, образованностью и начитанностью. Таких казыев, как он, нигде больше нет; только он владеет множеством языков и имеет суждение почти о каждом факте мусульманской истории и культуры. Помимо татарского, башкирского и русского, Риза не просто говорит и пишет на арабском, турецком и фарси, но занимается их изучением, выпускает научные труды. К Фахретдинову приходят халыфы, учителя, и Фахретдинов отвечает на каждый их вопрос.

Пишет Фахретдинов преимущественно на языке тюрки. Он автор повестей «Салима, или Целомудрие», «Асма, или Проступок и наказание», многочисленных публицистических выступлений по вопросам мусульманской культуры, ее отношения к европейской науке и образованию, об эмансипации восточных женщин. Он издает учебники, методические труды, популярные брошюры по вопросам педагогики и этики - «Воспитанная мать», «Воспитанный

отец», «Воспитанное дитя», «Воспитанная женщина», «Семья». В общей сложности по вопросам воспитания им написаны более шестидесяти работ.

Фахретдинову принадлежат две книги о знаменитых путешественниках: «Путешествие Исмаила», в которой рассказывается о поездке жителя села Каргала Исмаила Бекмухаметова в Индию, Среднюю Азию и Ближний Восток в 1751 году, и «Путешествие Ибн-Баттуты в Кипчак».

Не все относятся к нему однозначно. Фахретдинов вспоминал: «...были и те, кто открыто осуждал, называл «невеждой». Во всяком случае, меня ждало то же самое, что и других писателей. Мы все получали по заслугам. Если даже весь мир, преследуя добрую цель, накажет меня за самое невинное действие - я не посчитаю это за приговор. Мои книги «Салима» и «Асма» пришлись не очень по душе ученым. Если бы они узнали, что я являюсь автором этих произведений, они бы обрушили на мою голову проклятья. Но страсти понемногу улеглись, так как автор был неизвестен. Эти мои книги похожи на сочинения Хамдани, Суюти, Харири. Почему же их произведения были встречены современниками доброжелательно, а мои сочинения посчитали за великий грех?»

Кабинет Фахретдина - на втором этаже, окнами на запад. Напротив - здание православного женского духовного училища, за ним белеет высокий дом уфимского архиерея, напротив него - Воскресенский кафедральный собор, на оси между собором и окном Фахретдина - дом уфимского губернатора.

Власть, православие и ислам - все друг против друга, все порознь, и все вместе.

Биографическая справка

Муфтий Ризаэтдин Фахретдинов

1859, 4 января Рождение Ризаэтдина Фахретдиновича Фахретдина в деревне Кичучатово Бугульминского уезда Самарской губернии, ныне Альметьевского района Республики Татарстан.

1869-1889 Р. Фахретдинов учится, а затем преподает в старометодном медресе д. Нижние Шелчелы у мударриса Габдельфаттаха б. Габделькаюма. В последние годы учебы Р. Фахрет-

динов изучает работы реформаторов-просветителей А. Курсави, Ш. Марджани, Дж. Афгани и М. Абдо.

1880 Р. Фахретдинов признан негодным к военной службе и навсегда освобожден от воинской обязанности.

1886 Поездка Р. Фахретдина в Казань, где происходит его короткая встреча с просветителем и мусульманским реформатором Ш. Марджани.

1887 В Казани опубликована первая работа Р. Фахретдина, посвященная арабскому языку - «Книга по морфологии» («Китабет-тафсир»).

Р. Фахретдинов подает заявление в Духовное собрание о представлении его к должности имама, сдает экзамены и получает свидетельство, подтверждающее звание имам-хатыба и мударриса.

1887-1888 Р. Фахретдинов пишет и издает на татарском языке книги по мусульманскому праву и этике, выполненные в духе джадидистских реформаторских идей: «Китабель-игътибар», «Хадияталь-ляхфан», «Ат-тахрир аль-муссаффа», «Тэрбияле бала».

1888 Поездка Р. Фахретдина в Петербург, встреча с мусульманским реформатором Джамалетдином Афгани. Р. Фахретдинов слышит слова, надолго определившие его поступки и поиски: «В улучшении и очищении мусульманского шариата наш основной долг - брать пример с уммазимми (немусульманских народов), умма Исламия (Исламская нация) еще не готова выполнить этот долг...»

1889 Р. Фахретдинов избран имам-хатыбом и мударрисом д. Ильбяково Бугульминского уезда.

Написание повести «Салима, или Целомудрие».

1891 Переезд в Уфу, Р. Фахретдинов становится казыем Духовного собрания, на всю жизнь получая этот почетный титул.

1897 Издание Р. Фахретдиновым с комментариями и литературной обработкой книги «Рахлате Марджани».

1898 Выпуск моралистических произведений «Воспитанная мать», «Воспитанный отец», «Воспитанное дитя», «Воспитанная женщина».

1900-1908 Выходит в свет биобиографическая хроника Р. Фахретдинова «Асар» («Следы»). Она создана на основе архива Духовного собрания и других источников. Хроника содержит более шестисот биографий улемов Волго-Уральского региона и не имеет равных по охвату использованных источников.

1902 Издание педагогического сочинения «Семья».

1903 Издание Р. Фахретдиновым с комментариями «Путешествия Исмагила».

Написание повести «Асма, или Проступок и наказание».

1905, 1-15 апреля В Уфе при Духовном собрании под председательством муфтия М. Султанова прошло заседание Общества улемов, основной доклад с предложениями реформирования муфтиата по принципам, предложенным ранее Ш. Марджани, сделан Р. Фахретдиновым. Р. Фахретдиновым было также предложено включить в округ Духовного собрания казахские общины Степного края.

1906 После отказа муфтия М. Султанова провести реформу Духовного собрания, Р. Фахретдинов покидает пост казыя и, по приглашению золотопромышленников братьев Рамеевых, переезжает в Оренбург.

1906-1908 Работа помощником редактора газеты «Вакыт».

1908 Р. Фахретдинов дает уничтожительную характеристику среднеазиатской схоластической школе: «У нашего народа в течение почти целого века была введена схоластика... Латиняне по причине схоластики вымерли. Греки погибли от схоластики».

1908-1918 Работа редактором журнала «Шура» в г. Оренбурге.

1914 Издание фундаментальной работы «Дини ғаиджитимагый мәсъәләсләр» («Религиозные и общественные вопросы»), посвященной вопросам соотношения светских и религиозных основ в культуре и образовании мусульман. Основные тезисы работы во многом совпадают со взглядами мусульманского реформатора, муфтия Египта Мухаммада Абдо, стремившегося совместить догматы ислама с особенностями современной цивилизации.

1917 Закрытие большевиками журнала «Шура» вынуждает Р. Фахретдинова возвращаться в Уфу и вновь занять пост казыя Духовного собрания (избран мусульманским съездом в мае 1917 г.).

1919 В период, когда войска большевиков занимают Уфу, Р. Фахретдинов, в отличие от муфтия и других казыев, отказывается покинуть город с тем, чтобы не допустить гибели архива и библиотеки муфтиата.

1923 Избрание Р. Фахретдинова на съезде духовенства муфтием Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири.

1925 Посездка в Ленинград, участие в торжествах, посвященных 200-летию Академии наук СССР.

1926 Посездка на 1-ый Всемирный мусульманский конгресс в Мекку.

1928 Обращение в Президиум ВЦИК с письменным докладом на имя М.И. Калинина о положении ислама в СССР.

1932 Письмо Р. Фахретдинова в Академию наук СССР по вопросу уничтожения рукописного наследия тюркских народов.

1935 Отправка Р. Фахретдиновым в Академию наук СССР редких рукописных материалов с целью их сохранения.

1936, 11 апреля Смерть в Уфе. Похоронен на городском мусульманском кладбище.

6.

Неси доброе слово людям, если у тебя есть знание, опыт и Всевышний наделил тебя мудростью.

Хадис

В 1906 году Фахретдинов по приглашению известных золотопромышленников Рамеевых переезжает в Оренбург, где становится вторым редактором газеты «Вакыт» - «Время», редактируемой племянником Ризаэтдина писателем Фатыхом Каримовым. Здесь раскрываются новые грани личности Фахретдина - организаторские способности и журналистский талант. Вскоре «Вакыт» становится самым популярным тюркоязычным изданием. Но, по воспоминаниям Джамала Валидова, шумная, беспокойная среда газетчиков, живущих злободневностью и одним днем, тяготила уже седого и спокойного по натуре ученого, - «ему нужен был тихий уголок, чтобы отдаваться более серьезной и творческой работе», - и тогда специально для Фахретдина при газете «Вакыт» основывается двухнедельный научно-публицистический журнал «Шура», редактором которого

он остается вплоть до закрытия журнала советской властью в январе 1918 года.

В этот период Фахретдинов пишет множество биографических очерков-портретов ученых, поэтов, политиков, полководцев и даже капиталистов, деятелей западной культуры и различных мировых религий.

Почти в каждом номере журнала «Шура» эти биографии публикуются под рубрикой «Замечательные люди и великие события». В области биографических исследований Фахретдинов отличался большой строгостью, всесторонним и хладнокровным подходом, где нет места безапелляционным и резким оценкам.

Из Оренбурга в Уфу Фахретдинов вернулся в 1918 году, после прекращения издания журнала. Он возвращается на работу в Духовное управление, его вновь избирают религиозным судьей.

Он уже широко известен как историк-публицист, журналист и редактор, среди ученых-востоковедов его авторитет сравним с авторитетом знаменитого историка XIX века Шагабутдина Марджани. Как человек он уравновешен, веротерпим, уважает чужую мысль. У него нет фанатизма в вопросах веры.

Фахретдинов - сторонник вззвешенных решений, человек серьезный, поэтому в современной культуре его интересует только то, что научно и нравственно. Он предостерегает от следования моде, от расточительства и разврата современного общества. Главный труд Фахретдина в сфере богословия - «Религиозные и общественные вопросы». В нем излагаются основные положения ислама и разбираются почти все вопросы, имеющие значение для современной мусульманской жизни. Другое значительное его богословское сочинение - «Комментарий на изречения Мухаммада».

7.

У Ризаэтдина Фахретдина были весьма серьезные намерения полностью посвятить себя востоковедению. Из академических кругов поступили соответствующие предложения, и они почти приняты.

Но в 1921 году умирает муфтий Г. Баруди, и в 1923 году Фахретдинова избирают муфтием Центрального Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири. Здание Диния назарат становится местом его служения до последних дней жизни.

Ризаэтдин Фахретдинов с литераторами Гибррахманом Ахмеровым и Ибрагимом Тергуловым. Фото 1912 г.

Дочь Ризаэтдина Фахретдинова Асъма так вспоминала о своем посещении Духовного управления на улице Тукаева: «Это было старинное двухэтажное каменное здание. Отец показал все комнаты, в том числе одну комнату на втором этаже, там посередине стоял большой стол, на столе располагалась невысокая витрина. Внутри витрины лежала большая толстая книга, написанная на пергаменте. Книга была раскрыта. Крупные буквы арабского шрифта были написаны от руки черной краской (или тушью). Отец сказал, что это знаменитая историческая ценность арабского народа тысячелетней давности, так называемый «Коран Османа». Коран был доставлен в Уфу в начале 1918 года и находился здесь на хранении. Витрина была закрыта на замок. Через стеклянную крышу витрины можно было прочитать отрывок текста. На некоторых листах были видны красно-бурые пятна».

Эту комнату в Духовном управлении так и называли – «комнатой Корана». Она была высокой, светлой, ее окна смотрели на Тукаевскую улицу, по углам комнаты располагались изразцовые печи, которые зимой топились из соседних помещений, – пергамент, на котором был написан Коран, нельзя было пересушивать, за этим строго следили. Желающим увидеть «Коран Османа» его показывал сам муфтий.

Говорили, что сначала Коран оказался в Самарканда как один из трофеев Тamerлана. Это был один из списков, сделанных по поручению зятя Мухаммада, халифа Османа, вскоре после смерти пророка. Тогда на пергаменте было сделано несколько одинаковых списков книги, которые стали основой всех позднейших рукописных и печатных изданий. Это необходимо было для того, чтобы не допустить разногласий. По преданию, Халиф Осман был убит своими подданными в тот момент, когда он сидел над чтением Корана, а бурные пятна на страницах различных списков Коранов Османа было принято считать пятнами крови халифа.

Из Самарканда Коран был вывезен в Петербург, где вскоре оказался в академической библиотеке. В начале XX века «Коран Османа» несколько раз предлагалось вернуть религиозным учреждениям. В годы гражданской войны большевиками было обещано передать «Коран Османа» «национальному парламенту мусульман Внутренней России и Сибири, заседающему в г. Уфе». В подписанном в декабре 1917 году Лениным и Бонч-Бруевичем постановлении от

имени Совета Народных Комиссаров предписывалось «немедленно выдать Краевому мусульманскому съезду «Священный Коран Османа», находящийся в Государственной публичной библиотеке».

Коран был направлен в Уфу и передан для хранения в Духовное управление.

В 1923 году по просьбе Туркестанской Республики советское правительство решило отправить Коран в Узбекистан. В комиссию вошли муфтий и члены Духовных управлений из Ташкента, Астрахани и Москвы. Председателем комиссии был назначен Фахретдинов. Коран уложили в специальный футляр и в августе 1923 года в специальном вагоне вывезли в Ташкент, где была оформлена его передача. Члены комиссии посетили несколько городов Узбекистана, встречаясь с местными улемами. После возвращения в Уфу Фахретдинов написал сочинение «О путешествии в Самарканда по делу возвращения Корана Османа», которое после его смерти было утеряно.

Историческая справка

1922-1923 Центральное Духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири, окончательно бесстабив свои структуры, частично распавшиеся в годы Гражданской войны, получает признание от центрального правительства, становится единым центром утверждения кайдров и руководства ими, а также аналитическим и теоретическим центром российского мусульманского духовенства. Оно включает в себя региональные контрольные учреждения-мухтасибаты, местные органы религиозного контроля над мусульманским населением, начальные и средние религиозные школы, центры подготовки и переподготовки кайдров. Духовное управление сохраняет контроль над молитвенными зданиями, возможность участвовать в гражданской жизни приходов, влиять на общегражданских и местных советских лидеров. До конца 1920-х гг. муфтият сохраняет единую структуру с казахским духовенством и тесные связи с духовенством всех мусульманских регионов СССР.

1923, март В библиотеке мечети иранского г. Мешхеда А.-З. Валидовым найдена книга Ахмеда Ибн-Фадлана о первом послольстве халифа в

Великий Булгар и о принятии ислама народами Поволжья.

Декретами ВЦИК РСФСР от 17 марта и 11 сентября 1923 г. разрешено преподавание ислама. В архив Духовного управления переданы мусульманские метрики. ЦДУМу передано историческое здание муфтишата в Уфе. Мутаваллии получили право участия в профсоюзах и работы на госслужбе. Были сделаны уступки в обложении налогами мечетей, духовенства и облегчен доступ в школу детям духовенства. Разрешен хадж, праздник «Курбан-байрам» на несколько лет становится выходным днем. Однако попытки добиться издания учебной литературы, открыть медресе и мектебы отвергнуты властями.

10-25 июня II Всероссийский мусульманский съезд в г. Уфе. На нем присутствуют 285 делегатов, включая муфтиев Коканд, Ташкента и Крыма. Утвержден устав Центрального духовного управления мусульман РСФСР. Муфтием и председателем ЦДУМ избран Р. Фахретдинов. На съезде заслушан доклад председателя комиссии помощи голодающим К. Тарджиманова, делегаты направили в адрес М. Калинина телеграмму с выражением признательности и восхищения ЦКПомголом. Съезд принял резолюции по вопросу об отношении к Советской власти, советской школе и преподавании религии. Было принято «Обращение к братьям-мусульманам, живущим в разных частях земного шара». Все эти документы свидетельствовали о лояльности мусульманского духовенства и руководителей Духовного управления. Выступления на съезде и приветственные телеграммы Ленину, Сталину, Троцкому и Калинину проявили готовность сотрудничать с советской властью.

30 ноября НКВД РСФСР утвердило Устав Духовного управления, по которому оно распространяет свои полномочия на Европейскую часть РСФСР и Сибирь, включая Казахскую республику РСФСР.

1923-1948 Официальное название уфимского муфтишата - Центральное духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири (ЦДУМ).

1924-1928 Издание в г. Уфе мусульманского периодического издания «Журнал Ислам» («Ислам маджалисе»), органа Центрального Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири. Тираж составлял от 4 до 7 тыс. экз., печатался журнал в типографии «Октябрьский патиск» под редакцией казыя Духовного управления К. Тарджиманова. В журнале публиковались редакционные статьи муфтия и казыев, суры Корана, богословские сочинения, информация о пленумах и съездах Духовного управления. Выпуск журнала окончательно остановлен в 1928 г.

1925, 21 августа НКВД и Наркомпрос РСФСР издают совместную инструкцию, согласно которой преподавание мусульманского вероучения должно впредь проводиться только при мечетях лицам, достигшим четырнадцатилетнего возраста или окончившим начальную советскую школу.

1926, октябрь III Всероссийский съезд мусульманского духовенства в г. Уфе. Съезд демонстрирует лояльность руководству СССР, направляет приветственные телеграммы председателю ЦИК СССР и РСФСР Михаилу Калинину, председателю Собнаркома СССР и РСФСР Алексею Рыкову, секретарю ЦК РКП(б) Иосифу Сталину, наркому иностранных дел СССР Георгию Чicherину, наркому по военным и морским делам СССР Клименту Ворошилову, председателю Башкирского ЦИК Мстиславу Кушасбу, а также королю Хиджаза Сауду. Муфтием и председателем Духовного управления переизбран Р. Фахретдинов, который становится и первым председателем Голямалар шурасы (Совета улемов).

1926-1928 Издание в г. Уфе религиозного мусульманского журнала «Дианат», органа Центрального Духовного управления мусульман АБССР под редакцией М. Гатауллина (печатался в типографиях (Уфы, Москвы, Одессы). В нем публиковались богословские и религиозные статьи, didактические материалы и статистические данные.

1927 В подчинении Духовного управления на начало года находится 14825 приходов.

Духовное управление 27 апреля 1927 г. принимает обращение к мусульманскому духовенству и

прихожанам, в котором опровергает обвинения в том, что обучение религии переходит в политическую деятельность, а также в том, что духовенство выступает против обучения детей науке и ремеслам. Обращение подписывают муфтий Р. Фахретдинов, казыи З. Камалетдинов, М. Магкули, Х. Байчурин, М. Буби.

1928, апрель-май На заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривается просьба муфтия Р. Фахретдинова об открытии в г. Уфе медресе, но создание духовного учебного заведения признано нецелесообразным.

1929, июнь Партийная антирелигиозная комиссия отвечает отказом на обращение муфтиата с просьбой издать брошюру «Ислам дине». Разрешено издание одной из частей Корана тиражом 10 тыс. экз.

1929-1930 Трудности в ходе кампании по хлебозаготовкам и коллективизации, возникшие в этот период, отнесены властью с одной стороны на счет кулацких элементов, а с другой на противодействие служителей культа. Вслед за этим развернулась кампания по закрытию молитвенных зданий. Коллективизация повсеместно сопутствовало «раскулачивание» служителей культа. На духовенство и наиболее активных верующих обрушились судебные и несудебные расправы.

1930, май Визит муфтия Р. Фахретдинова в постоянную комиссию по вопросам культа при Президиуме ВЦИК, где он рассказывает о закрытии мечетей, о наложении непосильного налога на духовенство, штрафах и арестах за их неуплату, о раскулачивании служителей культа, их высылке на принудительные работы, об арестах, конфискации личного имущества, об изъятии у верующих Корана и других религиозных книг. После встречи с муфтием П. Смидович пишет председателю ВЦИК М. Калинину: «...религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения и исчезновения с лица земли. Пока закрылось 87 % мухтасибатов (мусульманские епископаты), из 12000 мечетей закрыто более 10000, от 90 до 97 % мулл и музейников лишены возможности отправлять культ».

8.

В начале двадцатых годов издаются многочисленные указы и постановления, которые формально поддерживают принципы свободы слова и вероисповедания. В 1923 году власти разрешают провести съезд мусульманского духовенства.

II Всероссийский мусульманский съезд проходит в Уфе летом того же года. На нем присутствуют около трехсот делегатов. Муфтием и председателем муфтиата решено избрать Ризаэтдина Фахретдинова. В 1917 году он уже отклонил подобное предложение и теперь обращается к съезду со следующими словами: «Я решил отойти от дел Духовного управления, у меня есть собственные планы. Если вы уважаете меня, разъясните народу мои мысли и предложите на место муфтия другого человека». Фахретдинов выразил желание уйти с работы, которой он волей-неволей занимался несколько лет, чтобы продолжить научную деятельность. Несмотря на это, большинством голосов он избирается муфтием.

Этот съезд продемонстрировал, что уфимский муфтият по авторитетности и уровню своего влияния на религиозные общины страны действительно является центральным не только для мусульман своего округа, но и для общин Крыма и Средней Азии, то есть большей части мусульман Советского Союза. Если учесть, что в том же году разгрому подверглись татарские национальные коммунисты во главе с их лидером М. Султан-Галиевым, то становится ясно – власть вынуждена соглашаться с той линией, которая проводится руководством уфимского муфтиата.

Имея значительный опыт работы в качестве казыя Духовного собрания во времена царской империи, Фахретдинов в новых условиях старается выработать новую форму отношений с властями, и первоначально ему удается сохранить численность мечетей, систему начального мусульманского образования, кадровый состав духовенства и сложившуюся систему управления им.

На съезде был принят Устав духовной организации мусульман Российской Социалистической Федеративной Советской Республики за исключением Крыма, Кавказа и Туркестана. По Уставу учреждениями, ведающими духовно-религиозными делами на территории Башкирской, Татарской, Киргизской и Украинской республик, Крымской, Вотской (Удмурт-

ской) и Калмыцкой автономных областей, а также губерний Внутренней России и Сибири являются съезд представителей мусульманского духовенства и приходов, Центральное Духовное управление мусульман, Совет улемов - Ученый совет при Духовном управлении, а также управление муфтасибатов и приходские управления - мутавалиаты. Руководство Духовным управлением, состоящее из муфтия и шести казыев, избирается сроком на три года на очередных съездах. Кантоны разделяются на муфтасибатские районы, а управления муфтасибатов состоят из трех членов - председателя-муфтасиба и двух советников-мушавиров. Муфтасибы и мушавиры избираются также на три года на съезде представителей духовенства и верующих района. Для ведения дел приходов на общий собрании верующих избирается приходское управление - мутавалиат. В состав приходского управления входят пять человек, из них трое избираются общим собранием прихожан, а двое - имам и муэдзин - входят в состав мутавалиата по должности. Последние утверждаются на должность Духовным управлением. Этот Устав 30 ноября 1923 года был утвержден Наркоматом внутренних дел РСФСР. По нему полномочия Центрального духовного управления распространялись на европейскую часть РСФСР и Сибирь, включая Казахскую республику.

Со стороны большевиков это, конечно, являлось большой уступкой, хотя и временной. И.В. Сталин заявил тогда, что прямолинейные действия местных властей «грозят сорвать достижения партии в области разложения церкви», и хотя официально власть декларирует терпимое отношение к религиозным организациям, оно вызвано лишь тактическими соображениями, стратегический же курс партии состоит в полной ликвидации религии и создании атеистического безрелигиозного общества. Как бы то ни было, но в августе 1923 года в секретном порядке руководителям местных партийных организаций рассыпалось письмо, в котором партийные органы требуют внести в антирелигиозную политику серьезные корректировки.

Строго секретно

ВСЕМ ГУБКОМАМ, ОБКОМАМ, КРАЕВЫМ
КОМИТЕТАМ, НАЦИОНАЛЬНЫМ ЦК И БЮРО ЦК

Циркулярное письмо ЦК РКП № 30

Об отношении к религиозным организациям

ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных некоторыми организациями

в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношений к верующим и к их культурам.

Партийная программа говорит: «Необходимо заботливо избегать всякого оскорблении чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». Резолюция XII партсъезда по вопросам антирелигиозной агитации и пропаганды подтверждает, что «нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа, взамен серьезного анализа и объяснения - не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков».

Между тем, некоторые из наших местных организаций систематически нарушают эти ясные и определенные директивы партийной программы и партийного съезда... Эти организации и органы власти, видимо, не понимают, что своими грубыми, бесактными действиями против верующих, представляющих громадное большинство населения, они наносят неисчислимый вред советской власти, грозят сорвать достижения партии в области разложения церкви...

Исходя из сказанного, ЦК постановляет:

...воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и прочих путем голосования на собраниях с участием неверующих или посторонних той группы верующих, которая заключила договор на помещение или здание;

...воспретить аресты «религиозного характера», поскольку они не связаны с явно контрреволюционными действиями «служителей церкви» и верующих;

...разъяснить членам партии, что наш успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих, - гонения только укрепляют религиозные предрассудки, - а от тактического отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа, религии и пр.

ЦК вместе с тем предостерегает, что такое отношение к церкви и верующим не должно ни в какой мере ослабить бдительность наших организаций в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные общества не обратили религию в орудие контрреволюции.

16/VIII-23 г.

Секретарь ЦК И. СТАЛИН.

9.

Численность мусульман Уфы по приходским спискам составляла в то время полторы тысячи человек. Среди них - рабочие железной дороги и лесопильни, сапожники, портные, пекари, кожевники, ломовые извозчики, мелкие и средние торговцы. В городе были зарегистрированы семь мусульманских приходов, шесть из них имели мечети, седьмой приход - молельный дом.

Мусульмане первого прихода жили за счет торговли и домовладения, среди них были и врачи, и чиновники. Мусульмане второго прихода занимались преимущественно извозом или работали на железной дороге, прихожане третьего прихода трудились на лесопильне, занимались мелкой торговлей. Женщины всех приходов были записаны как домохозяйки.

С избранием Фахретдина мюфтием и руководителем Духовного управления, он ходатайствует перед Народным комиссариатом по делам национальностей о возобновлении издания религиозного журнала. Все вроде бы за, но обсуждение вопроса на долго затягивается. Фахретдинов не знает, что в ответ на его запрос уже созвано секретное совещание, где обсуждаются «методы борьбы с мусульманским духовенством и раскола среди них».

В 1924 году Фахретдинов добивается наконец издания «Ислам маджаласы» - «Журнала Ислам», редактором которого становится казый Духовного управления Кашифауддин Тарджиманов. В журнале публикуются статьи сотрудников мюфтиата, богословские сочинения, суры Корана, информационные материалы. Особое внимание уделяется вопросам религиозного образования. Журнал «Ислам» выходит тиражом семь тысяч экземпляров и рассыпается во все восточные республики, а некоторые экземпляры отправляют за границу. ГПУ выстраивает длинную ведомственную цепочку между редакцией журнала и печатным станком: от Духовного управления требуют, чтобы оно сначала направляло материалы в Башгавалит, а затем к сотрудникам местного ГПУ вместе с посторонними переводами, оттуда журнальные статьи передают в центральный аппарат ГПУ в Москве, из Москвы, с замечаниями и правками, материалы вновь отправляли на чтение в Башкирский отдел ГПУ и

Башгавалит, и только с многочисленными визами и подписями журнал разрешалось поставить в длинную очередь на печать. Естественно, к намеченному времени выпустить журнал невозможно. Но худобедно он все же продолжает выходить, и закрыть его властям пока не удается - нет особых причин.

В Уфе в то время расположены два духовных управления мусульман - центральное общероссийское и Башкирской республики. Последнее начинает издавать свой журнал «Дианат». Это издание санкционируется наркомом внутренних дел Башкирии Шагитом Худайбердиным лично. Он смотрит далеко, - принцип «разделяй и властвуй» универсален, он оправдывает себя и по отношению к православным приходам, он применяется и в отношении мусульманского духовенства. Журнал «Дианат» публикует богословские статьи, инструкции властей, выдержки из советского законодательства, информационные материалы о приходах, о внутренней жизни Башкирского духовного управления. Печатают его чанче в Москве и в Одессе, чем в Уфе. Литературу на арабском, башкирском и татарском языках в Уфе издает только типография «Октябрьский напис», в которой стоят старые машины, а пользуются ими все местные издательства...

Власти хорошо понимают, что Ризаэтдин Фахретдинов - не просто мюфтый, это ученый-востоковед энциклопедического типа, имеющий вес и как журналист, и как педагог-моралист, и как автор многочисленных трудов. Фахретдинов - одна из главных достопримечательностей Уфы двадцатых годов. Популярный «Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой» 1925 года рассказывает о городе так: «Уфа - постоянное пребывание управления республикой. В Уфе постоянно живут башкирский народный поэт Мажит Гафури и историк Ризаэтдин Фахретдинов».

Один из столичных ученых, посетивших в эти годы Духовное управление, пишет: «Энциклопедичность Фахретдина наглядна - на его полке около пятидесяти написанных им книг, в их числе известный всем востоковедам «Асар», состоящий из шестнадцати книг, серия «Знаменитые люди», серии произведений по этике, педагогике, философии. Отдельно - подшивки журнальных статей из нескольких сот названий, другие публикации».

В знак уважения к научным заслугам Фахретдина в 1925 году его приглашают в Ленинград на

торжества по случаю двухсотлетия Академии наук. Долгие семь лет после окончания работы в журнале «Шура» Ризаэтдин был отдален от научных кругов, и поэтому он особенно рад возможности пообщаться с серьезными учеными. Сразу же после приезда в Ленинград он приходит в Академию наук. Академик И.Ю. Крачковский, знаменитый переводчик Корана на русский язык, долго беседует с ним по-арабски, а затем знакомит с учеными, прибывшими из Турции, Индии, Швеции. Фахретдинов занимает почетное место на торжественном заседании Академии, в академической библиотеке он видит и свои книги.

Вместе с гостями он посещает Национальный музей и Эрмитаж, едет в Петергоф, где с восторгом осматривает императорский дворец изнутри, ведь в первый свой приезд сюда в 1888 году на дворец ему пришлось смотреть лишь издали. Но самое большое впечатление на него произвела библиотека Академии наук, огромное количество хранящихся здесь книг. В академической библиотеке Ризаэтдин знакомится с историком Худяковым, который дарит ему свою книгу.

По приезде домой, делясь впечатлениями с близкими, он говорит: «Совсем неудивительно, что правители народа - владельцы этих книг - правят и другими народами».

После первой антирелигиозной агитационной волны власти вынуждены признать - кампания пропаганды провалена, мусульманское духовенство не только не отступило, но захватывает новые позиции. Так, если в Татарской республике в 1925 году религиозных школ было порядка ста пятидесяти и в них обучалось пять-шесть тысяч человек, то к 1926 году количество таких школ возрастает до восьмисот, а число обучающихся - до тридцати тысяч. К тому же традиции преподавания муллой и абыстай на дому продолжают сохраняться, они вообще учету не поддаются.

Власти в Москве, Уфе и Казани пытаются снять с себя ответственность за рост численности мусульманских общин, но не могут сделать это в рамках законов, они вынуждены мириться с существованием муфтиата и сотрудничать с ним. Самым ярким фактом такого сотрудничества становится участие мусульманских лидеров Советского Союза в работе Первого Всемирного конгресса мусульман в Мекке.

10.

Когда ты удален от Каабы, то подобает поворачиваться в ее сторону.

Но те, кто находятся в ней, могут поворачиваться в любую сторону, какую пожелают.

Баязид Бистами

В двадцатые годы Советское правительство ведет активную внешнюю политику на Ближнем Востоке. Устанавливаются дипломатические отношения с Ираном, Афганистаном, Йеменом, республиканской Турцией, с независимым государством «Неджд, Хиджаз и присоединенные области» (ныне именуется Саудовской Аравией). Бедные мусульманские страны Востока многим в советском руководстве видятся будущими союзниками. Появляются лозунги наподобие «Азия должна быть социалистической!» или «Индия должна стать советской!», военными всерьез изучаются возможные пути движения войсковых колонн по пескам и пустыням (чуть позже лекции об этом станут читать в Академии Генерального штаба).

Между тем, в середине двадцатых годов возникает ситуация, требующая не планирования, а немедленного вмешательства - весной 1924 года парламент Турции принимает закон о ликвидации халифата, главной опоры мировой мусульманской уммы.

Это событие, детально изученное историком Д.В. Мухетдиновым, вызвало широкий отклик на всем мусульманском Востоке, обратило на себя внимание западных держав и вопрос о существовании халифата становится международным: в Индии возникает халифатский комитет, который возглашает движение индийских мусульман-халифатистов, объявляются многочисленные претенденты на титул халифа правоверных, начиная от изгнанного халифа Абдул-Хамида, живущего в Европе, и заканчивая королем Хиджаза Хусейном. В Египте, Сирии, Палестине, британской Индии, Персии, Аравии, Турции и других странах активно обсуждается идея международного конгресса мусульман, который должен либо выбрать нового халифа, либо решить дальнейшую судьбу халифата, причем, конгресс этот замышляется так, чтобы в нем не принимали участия немусульманские делегации.

Британское правительство начинает активно вмешиваться в этот вопрос сразу же после изгнания халифа из Турции. Имевшаяся система халифата давала Великобритании средства укрепления своих позиций на Ближнем Востоке, где она обладала огромными территориями: если назначить халифа, который в целом будет послушен Великобритании, его религиозный авторитет можно будет использовать и для влияния на простых верующих, и на духовенство Ближнего и Среднего Востока. Кроме того, у Великобритании появляется в этом случае возможность воздействовать на умонастроения части верующих мусульман Крыма, Кавказа и особенно Средней Азии, где не прекращается вооруженное антибольшевицкое движение, а в дальней перспективе влияние халифа может быть использовано англичанами для дестабилизации обстановки в центральной России - в Поволжье и на Урале.

Заинтересованность в воссоздании халифата, управляемого извне, кроме Великобритании проявляют также Франция и Италия. Министры иностранных дел этих стран собираются в Париже и решают способствовать сохранению в Турции не только светской, но и религиозной власти султана, то есть халифата, однако сложившаяся ситуация требует, чтобы в назначении нового халифа не было заметно прямого вмешательства западных держав. Поэтому подконтрольное Великобритании духовенство Египта начинает активно муссировать мысль о созыве конгресса по избранию халифа в Каире, месте, наиболее выгодном для англичан, поскольку это позволяет контролировать ход конгресса и при благоприятных обстоятельствах добиться принятия таких решений, которые укрепят положение Великобритании на Востоке. Но подконтрольность конгресса, созданного англичанами в Каире, слишком очевидна, это не вызывает никакого энтузиазма даже у убежденных сторонников идеи халифата, а движение халифистов в Индии открыто выступает против каирского варианта.

Протест индийских мусульман поддерживает мусульмане Советской России в лице Духовного управления. В марте 1926 года Кремль получает телеграмму из Уфы, подписанную муфтием Ризаэтдином Фахретдиновым. В ней емко выражено мнение, бытующее во всем мусульманском мире: «Конгресс должен быть созван в стране, находящейся [вне] сферы влияния империалистических держав». Далее в теле-

грамме говорится, что конгресс не должен проходить в Египте, поскольку последний находится под господством Англии, и там «нет гарантий для свободного выявления мусульманами их истинного мнения». По мнению мусульманского духовенства Советской России, конгресс мог бы пройти на священной для мусульман земле, в Мекке.

Как верно рассчитали в муфтиате, этот вариант наиболее привлекателен для всего мусульманского мира, и в первую очередь для Ближнего и Среднего Востока. Он крайне удачен и для Саудовской Аравии, и для советского правительства, в то же время менее всего подходит для Англии, Франции и США. Советское руководство в этой ситуации принимает решение максимально использовать возможности Духовного управления.

В телеграмме, направленной из уфимского муфтиата, ни слова не говорится о ликвидации халифата, что характеризует позицию Духовного управления как крайне осторожную, а тот факт, что телеграмма передается Кремлем для печати в «Известиях», ведущей советской газете, свидетельствует об одобрении правительством позиции муфтиата и, скорее всего, согласованности действий по данному вопросу, ведь опубликованная в «Известиях» телеграмма адресуется уже не только советскому руководству, но и мусульманам СССР, и мусульманскому населению зарубежных стран.

Политическая обстановка вокруг конгресса все более обостряется.

В Мекке действует организационный комитет конгресса. Давление Великобритании на мусульманский мир выражается в продолжающихся попытках созвать конгресс в Каире, и в начале 1926 года англичане решают, что далее откладывать созыв конгресса нельзя, окончательной датой объявляют 13 мая 1926 года.

Конгресс проходит в Каире в середине мая, однако получается так, что он носит неофициальный характер: правительство Египта уклонилось от официального участия в нем, на конгрессе представлены Турция, Иран, Судан, Туркестан (Средняя Азия), мусульмане России, Афганистана и ряд других стран. Но число стран не говорит ни о чем, большинство из делегатов не представляют никого, кроме самих себя - какие-либо полномочия и мандаты у них отсутствуют.

Реальных заседаний проходит всего четыре, решение вопроса о халифате и новом халифе тонет в

дискуссиях о регламенте. Делегации Палестины и Сирии втягивают участников в обсуждение политических вопросов и, в конце концов, организационный комитет объявляет о прекращении работы конгресса.

Совершенно иначе складывается судьба Всемусульманского Конгресса в Мекке. Он открывается 7 июня 1926 года, присутствуют на нем 57 делегатов различных мусульманских стран и территорий, а также 157 приглашенных лиц, которые представляют весь Ближний и Средний Восток, мусульманскую Индию, Восточную Африку и Юго-Восточную Азию. Делегации состоят из представителей высшего мусульманского духовенства - муфтиев, шейхов, улемов.

Делегация советских мусульман приняла участие в работе Конгресса с самого его начала. Руководство Центрального духовного управления мусульман России получило приглашение из Аравии на Мекканский Конгресс весной 1926 года. Готовясь к поездке, Ризаэтдин Фахретдинов направляет в Москву для переговоров об условиях поездки своего заместителя по муфтиату казыя Кашишатдин Тарджиманова. Помимо Фахретдинова, главы делегации, в нее входят Тарджиманов, Габдеррахман Гомери из Астрахани, Тахир Ильяс из Казани, Мослахетдин Халил из Крыма, Махди бен-Макгул из Сибири, Абдель-Вахед аль-Кари, представляющий Туркестан, а позднее к ним присоединяется Муса Бигиев, - по числу участников делегация Советской России уступает лишь принимающей стороне, а также Индии. То есть, уровень представительства - наивысший, делегаты от Крыма, Сибири и Туркестана так же, как и Фахретдинов, являются главами Духовных управлений мусульман.

Делегация из Уфы выезжает на поезде в Москву, затем в Одессу, а оттуда на теплоходе отправляется в Александрию. Англичане, заявив, что под видом делегатов в Александрию могут проникнуть большевистские шпионы, задерживают их в порту на три дня, но никаких доказательных обвинений представить не могут. О том, какой статус был придан Конгрессу с самого начала, свидетельствовало его торжественное открытие с участием короля Ибн Сауда, от имени которого было зачитано послание, после которого был произведен двадцать один залп из артиллерийских орудий - «салют наций».

На первых заседаниях Конгресса были созданы комиссии, важнейшими из которых стали комиссия по уставу Конгресса, в которую вошел Ризаэтдин

Фахретдинов, и комиссия инициатив с участием казыя Тарджиманова из Уфы и Халила из Крыма, - эта комиссия разрабатывала, выносila на обсуждение и голосование проекты решений по всем важнейшим вопросам, рассматривавшимся на его заседаниях. В результате делегаты от мусульман Советского Союза получили возможность влиять на формирование проектов и, судя по всему, сумели этим воспользоваться, чему особенно способствовал личный авторитет муфтия Фахретдинова.

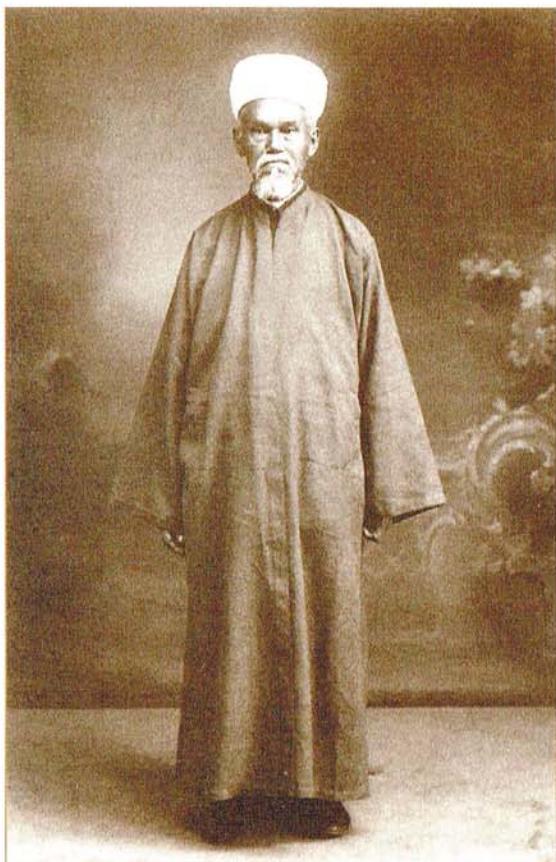
Делегаты на заседаниях избегали прямой конфронтации с Англией и Францией, по идея независимости мусульманского мира проходила лейтмотивом через все выступления. Выдвигались идеи, которые могли серьезно подорвать положение колониальных держав, а вопрос о восстановлении Халифата даже не обсуждался. На Конгрессе были приняты конкретные предложения по созданию сиротских домов и народных школ в Мекке, реформе образования и организаций в Мекке коммерческой выставки продукции мусульманского мира. Всемусульманским конгрессом был принят Устав Конгресса, как международной организации.

Тот факт, что советская делегация свободно выехала за рубеж, и то, что возглавил ее авторитетнейший мусульманский духовный лидер, свидетельствуют о том, что у советского правительства, безусловно, были и свои договоренности с Духовным управлением, и свои расчеты на этот Конгресс. В заявлении правительства СССР, сделанных уже после окончания Конгресса сообщалось, что «участие мусульман СССР на Конгрессе, в значительной мере способствовало успеху последнего, и в то же время содействовало провалу другого конгресса, который, в противовес Мекканскому, пыталось созвать в Каире египетское духовенство для избрания халифа».

В Уфу Ризаэтдин Фахретдинов вернулся уже осенью. Вскоре здесь прошел мусульманский съезд, и руководство Духовного собрания было переизбрано в старом составе.

11.

Отношение большевиков к религии и, в частности, мусульманству во второй половине двадцатых годов постепенно меняется. Закрываются большинство мечетей, упраздняются суды шариата, религиозное образование в медресе заменяется светским, они

Ризатдин Фахретдинов. Фото конца 1920-х гг.

преобразуются в школы, училища, техникумы. Земельные владения, доходы с которых раньше шли на содержание мечетей, теперь упраздняются. Имамов заставляют публично каяться, рассказывать о том, как они обманывали народ, - своего рода моральная казнь.

Начинается кампания по искоренению мусульманских традиций. 8 марта 1927 года, в Международный женский день, в традиционных мусульманских центрах Средней Азии собранные на митинг женихи демонстративно срывают с себя паранджу и бросают ее в костер. По всей центральной России и Сибири ведутся пропагандистские кампании против мусульманских праздников, основных и дополнительных - Ураза-байрам, Курбан-байрам, Раджаб-байрам, Маулид-байрам, Лейлят аль-Кадр и других - под лозунгами борьбы с унизительными и реакционными обычаями, которые не дают возможности рабочим принимать активное участие в социалистическом строительстве. Как несовместимое с советским законодательством, запрещено многоженство, а совершение наломничества в Мекку после закрытия южных границ становится почти невозможно. Все эти меры ведут к тому, что люди боятся демонстрировать свою

приверженность исламу открыто. Мусульманская вера замыкается в стенах семьи, уходит в тайные религиозные братства.

В эти годы ошибочным признан курс на развитие национальных культур. В 1926 году Сталин упрекает украинского наркома образования в том, что проводимая им политика приводит к отрыву украинской культуры от общесоветской, в основе которой лежит ее высшее достижение - ленинизм. Все духовное пространство захватывает новая религиозность - культа революционного вождя.

Был культа Ленина, после Гражданской войны возник культа Троцкого, затем - культа Рыкова, культа, доставшийся ему как бы по наследству вместе с должностью председателя Совнаркома. Затем пришел Сталин и, взяв на себя все должности и звания, - руководителя государства, вождя партии и мирового пролетариата, главного военачальника, - принял на себя вместе с должностями и все полагающиеся по нему культы. В одном имени слились представления о революции, о смысле борьбы, о праведной жизни:

Сталин - наша слава боевая,
Сталин - нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Стalinым идет...

Разочарование, а с ним и прозрение будет гораздо позже, а начиналось - с возникновения веры в человекобожество. Эта вера не могла потерпеть конкуренции ни Христа, ни Будды, ни Магомета. Религии объявлена беспощадная война на уничтожение.

Газета «Красная Башкирия» пишет, что рабочие первого уфимского госзавода и мельницы номер два «единогласно ходатайствуют перед горсоветом о закрытии монастырского храма». «Даешь кино вместо церкви», - под этим девизом началось разорение уфимских церквей и мечетей. Директивой республиканского НКВД введены запреты на преподавание мусульманского вероучения, - его разрешается теперь вести только в стенах мечетей в дни, свободные от занятий в советской школе, что делает невозможным существование мусульманских мектебов и медресе. Когда это постановление появилось, в ста двадцати пяти религиозных школах Башкирии обучались около четырех тысяч человек. Со священнослужителей снимают освобождение от воинской обязанности, на их семьи распространяют сельхозналог и налог на доходы от религиозной деятельности.

Все договоры городской администрации с приходами теперь заключались только как с частными лицами, церковная жизнь рассматривалась как частное предпринимательство, облагаемое повышенными налогами аналогично нэпмановству. За их неуплату приходы закрывались – так была найдена красивая, вишене непрессивная мера, сделавшая жизнь большинства православных и мусульманских приходов в принципе невозможной.

Второй тихой формой ликвидации приходов стали планы городской реконструкции времен первых пятилеток, предполагавшие снос или перенаправление зданий практически всех церквей и мечетей. Организованный в Уфе губернский политico-просветительский комитет своей главной задачей делает атеистическую пропаганду, которая ведется через клубы «Коммунистический», «Комсомольский», «Безбожник» и «Женский». Во время религиозных праздников Пасхи, Ураза-байрам, Курбан-байрам и других эти клубы устраивают концерты, агитспектакли, комсомольские карнавалы, антирелигиозные диспуты.

12.

Третий и последний до уничтожения Духовного управления Всероссийский мусульманский съезд прошел в Уфе в конце октября – начале ноября 1926 года. Первоначально съезд планировалось созвать в мае, однако именно в это время руководители Духовного управления выехали в Мекку на Всемирный мусульманский конгресс. В период подготовки к съезду на всей территории округа Духовного управления состоялись сотни собраний и совещаний мусульманского духовенства и верующих, на которых выбирали представителей на съезд и формулировали свои наказы съезду.

Одним из главных стал вопрос об организации обучения основам ислама в атеизированном обществе. Решения предлагались разные: начинать обучение детей с семи, девяти или четырнадцатилетнего возраста, религиозные школы создавать не только при мечетях, но и в любых других удобных помещениях, планировалось также организовать при Духовном управлении курсы для мула.

Подготовка к съезду на местах шла под руководством Духовного управления. Муфтий Ризаэтдин Фахретдинов и казны муфтиата выезжали в различные районы своего округа, встречались со

Мусульманские священнослужители. Фото 1928 г.

священнослужителями, участвовали в совещаниях мусульман.

О работе самого мусульманского съезда позволяют судить документы, подготовленные сотрудниками ОГПУ со слов непосредственных участников съезда, а также по материалам отдельных агентурных донесений. Эти, не так давно рассекреченные материалы, дают возможность не только воссоздать атмосферу тех лет, но и представить себе положение мусульманского духовенства и верующих России в первые десятилетия советской власти.

Итак, перед вами реконструкция событий осени 1926 года на основе архивов ОГПУ.

Дневник работы III съезда

*мусульманского духовенства и верующих
Внутренней России и Сибири, состоявшегося
в г. Уфе с 25 октября по 4 ноября 1926 г.*

25 октября, 1-е заседание.

Съезд открывается вступительной речью муфтия Ризаэтдина Фахретдинова и чтением Корана. Затем избирается президиум съезда из восемнадцати лиц под руководством муфтия. Никакие другие вопросы на первом заседании съезда не обсуждаются.

26 октября, 2-е заседание.

Вспоминаются имена умерших в период после последнего съезда известных мусульман. Известный

богослов, философ и публицист Муса Бигиев читает Коран.

Президиум съезда выносит постановление направить приветственные телеграммы Калинину, Рыкову и Сталину. По предложению президиума предлагается выбрать представителей от съезда для приветствия местного башкирского руководства в лице БашЦИКа, каковыми избираются: Хасан-Гата Габяни, Гинатулла Ахметшин и Хайрша Ахмеджанов.

С приветствием съезду выступают представители Казахстана, Узбекистана, Каракалпакской области, делегат из Китая и другие, которые благодарят Центральное Духовное управление за руководство в религиозном деле и выражают надежду, что управление и в дальнейшем будет проводить ту же линию. По предложению председателя съезда почетными членами президиума выбирают председателя делегации Узбекистана, председателя Ташкентского Духовного управления, представителя Самарканского Духовного управления и члена Кокандского Духовного управления. Затем принимается регламент съезда и производятся выборы комиссий: мандатной, по разбору поступивших заявлений и предложений на съезд, по рассмотрению организационных вопросов и по разбору жалоб на Центральное Духовное управление.

В приветственной речи представитель Башкирского Духовного управления выразил сожаление, что съезд не считал нужным пригласить представителя Башкирского Духовного управления в официальном порядке...

При выборах в комиссии каждая из делегаций выдвигает свои списки кандидатов. При этом замечены трения. Заседание съезда заканчивается, но бурное обсуждение продолжается в кулуарах. Агентура ОГПУ фиксирует среди делегатов недовольство тем, что в президиуме съезда заседают члены Духовного управления почти в полном составе. Оренбургские делегаты говорят о необходимости вывести из состава управления З. Камалетдинова, основателя уфимского медресе «Галия». Высказываются предложения избрать новым муфтием Мусу Бигиева. Отдельные делегаты поговаривают о том, что ОГПУ и правительство стремятся сохранить настоящий состав Духовного управления.

27 октября, 3-е заседание.

Заседание начинается с приветственной речи муфтия Крыма Муслехитдина, который передает

привет от крымских мусульман и желает съезду плодотворной работы.

Весь оставшийся день занят докладами Тарджиманова и Бигиева о поездке на Мекканский Конгресс. Информаторы ОГПУ замечают, что эти доклады построены таким образом, что новых сведений, кроме тех, которые уже были в свое время опубликованы в известных интервью по этому вопросу, они не дают и впечатление производят очень слабое, так как докладчики много говорят о мелочах, касаясь существенных вопросов лишь вскользь. Эти доклады некоторые делегаты съезда комментируют приблизительно так: «Первая половина доклада - это рассказ про путешествие самой делегации, другая - описание вопросов, рассмотренных на Конгрессе и касающихся только самой Аравии, но никак не нас, мусульман Советского Союза».

По этим докладам съезд принимает следующую резолюцию: «3-й Всероссийский съезд мусульман, заслушав шестичасовой доклад уважаемых делегатов со вниманием и с удовлетворением... выражает благодарность Центральному правительству СССР, его представителям и консулам, дающим, со своей стороны, доступ и возможность участия российских мусульман в самом великом 1-м Всемирном историческом Конгрессе ислама... Съезд российских мусульман, принимая постановления Всемекканского Конгресса, вместе с тем находит правильной тактику, политику и мероприятия на конгрессе представителей российских мусульман. ...Исламский съезд, поручая президиуму выразить уважение и благодарность правительству СССР и владыке Ибн-Сауду, произносит молитву при священной трибуне за конечные успехи пролетарских сил совместно с исламской силой на путях мировой революции».

По докладу о Мекканском Конгрессе в части описания линий, перенесенных делегацией Советского Союза из-за недоброжелательного отношения к ним англичан, один из делегатов задает вопрос: «Как полагает докладчик, была ли продиктована необходимость гонений на нашу делегацию самим английским правительством, или же все это учинялось местными представителями?». К. Тарджиманов дает понять, что это было продиктовано, по всей вероятности, самим правительством Великобритании.

Один из делегатов по докладу о конгрессе заявляет: «К чему деление на секты у мусульман? Почему не избрать всем одну из них?»

Ответ: Вопрос компетенции мест. Есть и бессрочные разрешения, например, в Башкирии.

- Почему так много трудностей при получении справок на детей?

Ответ: На пути любви мытарств нет!

- Не лишаются ли гражданских прав учителя и учительницы вероучения?

Ответ: Ознакомьтесь с вопросом в местных органах юстиции.

- Допустимо ли открытие в районах краткосрочных курсов по подготовке мулл и муэдзинов?

Ответ: Допустимо только в губернских городах.

- Могут ли несколько районов проводить вероучение в одной мечети?

Ответ: Могут.

- Почему муллы большей частью стараются отдавать своих детей в советские, а не в религиозные школы?

Ответ: Спросите самих.

- Как быть, если раньше дня увидим луну?

Смех в зале. Ответ: Это невозможно!

- Почему вероучение разрешили только нам, одной нации, быть может, Кашаф (Кашафутдин Тарджиманов - С.С.) ходатайствовал, чтобы другим нациям это не давать?

Смех. Ответ: Других мы не касались...

- Как обстоит дело с калымом?

Ответ: Пока что вопрос этот не вошел в Уголовный кодекс.

- Можно ли совершать акты гражданского состояния и выдавать по ним справки?

Ответ: Совершать можно, справки - в религиозном духе, но с этим нужно остерегаться. Вообще все это меняет государственной статистике...

Докладная комиссия почему-то работала при закрытых дверях. Это обстоятельство очень смущало некоторых делегатов, к тому же среди них замечались мнения такого характера: «Муллы к вероучению толкают только наших крестьянских детей; своих же детей отдают в советские школы, вузы и т.п.»

Кратким докладом о деятельности Совета учёных закрылся шестой день заседания.

31 октября, 7-й день съезда.

Заседание открылось под председательством Сартаева. Весь день занимали прения по докладам Духовного управления, Ученого совета и ревизионной комиссии.

Первым выступает Муса Бигиев, который, по данным осведомителей, говорит примерно следующее:

«...Абдулла Сулейманов восхвалял женшину, казыя Духовного управления, Мухлису Буби, говоря, что она сделала весьма многое; выходит, что она сделала больше, чем все остальные казыи. Оказывается, революция переработала единственную у нас женщину в сильного работника, а мужчин - наоборот.

...На собраниях съезда могут быть три основных момента: речь, доклад и отчет. Речь - это, прежде всего, собственное мнение при наличие окраски, доклад - описание хороших и плохих сторон, отчет - это тот же доклад, но с цифровыми данными. Доклад же Сулейманова был не докладом и не отчетом, а густо нарапленной речью с самовыставлением самого себя, Сулейманова!

...В своем докладе он говорил, что отрекшиеся от сана муллы и азанчи достойны проклятия, что они, как «негодные отсевы», разлетелись в разные стороны. Так ставить вопрос нельзя, ибо нельзя упускать из виду и того, что в основе этих фактов могут быть такие обстоятельства, как материальное неблагополучие. Характеризовать отрекшихся «негодными отсевами» неправильно, ибо, быть может, до этого состояния их довело само Духовное управление!

...В вопросе издания Корана, как видно, Духовное управление схалатничало. В отношении вероучения Духовным управлением сделано тоже мало - по 13650 приходам открыты только 969 религиозных школ. Цифра мизерная. Нельзя отговариваться тем, что не было возможности. Говорят: нельзя же развернуться, когда школы находятся в самих мечетях. Этот взгляд ошибочен, ибо проведение вероучения в мечетях ведет начало со времен Мухаммада, так что вопрос ни для кого не новый.

...Сулейманов говорил, что Духовное управление сумело организовать вокруг себя многомилионную мусульманскую массу, а также стать известным во всем мусульманском мире. Нельзя успокаиваться тем, что все это проведено на бумаге, нельзя думать, что Духовное управление стало известным повсюду по одному тому, что на имя Сулейманова была получена из Индии книга. В то же время свои подведомственные приходы достаточно не обслуживаются и даже местами не знают о существовании Духовного управления вообще!

...В целом, Духовное управление своими отчетными докладами выставляло съезду только «белые

цифры», умалчивая об имевшихся, вне сомнения, «черных». Ошибки в работе, допущенные Тарджимановым и Камалетдиновым, я готов простить, но допущенные Сулеймановым - никогда!

...Духовное управление недостаточно уделяло внимания вопросам религиозного воспитания масс. Камалетдинов в докладе говорил, что Духовное управление обучает в религиозном духе около ста тысяч человек. Цифра эта неправильная, может быть, он считает в этом числе и всех стариков, посещающих мечети.

...В отношении ремонта здания Духовного управления сделано также весьма мало!»

Затем выступают другие делегаты. Шарифзян Ахметханов из Уфы начинает было говорить: «Духовное управление имеет в стране духовную, верховную власть...», но тут его останавливают возгласы с мест: «Долой, какая тут верховная власть, и что за власть! Ты этими словами навяжешь нас на неприятности!»

Казанский мухтасиб К. Салихов, одобряя деятельность Центрального Духовного управления, говорит о необходимости возможно большего открытия исламских курсов и медресе, а также усиления кадров разъездных агитаторов.

По окончании прений принимается одна общая резолюция по всем докладам следующего содержания: «Заслушав с большим вниманием доклады всех отделов Центрального Духовного управления, III съезд муслуковенства, всесторонне их обсудив, нашел: произведенные расходы и отчетную часть доклада считать правильной - удовлетворительной. За усердные старательные действия в объединении собратьев киргизов, казахов и каракалпакских религиозных казахов выражать Духовному управлению благодарность. Выражая свое удовлетворение присоединяющимся собратьям киргизам, казахам и каракалпакам, съезд призывает и других собратьев присоединиться к Духовному управлению».

1 ноября, 8-й день съезда.

Заседание открывается под председательством К. Тарджиманова. После открытия съезда принят текст телеграммы на имя ВЦИКа, Ибн-Сауда и Исполкома Конгресса, которые было решено послать в связи с докладом о Мекканском Конгрессе. Далее съезд заслушивает доклад Садыка Иманкулова о работе организационной комиссии, которая признана удовлетворительной.

Слово для доклада о работе оргкомиссии представляется А. Сулейманову, который приступает к зачитанию утвержденного комиссией плана в части устава. Съезд решает необходимым обсуждать этот план в отдельности по пунктам.

Наибольшее внимание вызывают следующие пункты плана.

По предлагаемому Сулеймановым плану, представителям религиозного культа предоставляется право не совершать религиозных обрядов над лицами, не подчиняющимися решениям съезда и отдельных духовных представителей в приходах. Этот пункт вызывает оживленное обсуждение, некоторые делегаты говорят, что это - церковная расправа! Ташкентский муфтий даже выражает опасение, что этим Духовное управление подталкивает многих к отходу от ислама, однако после голосования этот пункт делегатами принимается...

О возрасте лиц, имеющих право быть муллами. Съезд принимает этот пункт примерно в такой формулировке: «Муллами могут быть все лица, достигшие двенадцати лет». Это решение дает возможность стать муллами и лицам, не отбывшим воинскую повинность.

Одним из делегатов вносится предложение не считать обязательным представление справок от органов юстиции о прежней несудимости при заявлении желающих стать муллами. С возражением выступает А. Сулейманов, который говорит: «Мы не можем давать право ворам и конокрадам стать муллами!»

О правах и обязанностях азанчей. В части этого пункта, обязывающего азанчей подметать полы и вообще заниматься уборкой, возражает уфимский азанчей Сулейман Аюханов. С возражением ему выступает мулла Шамсуллин, который говорит: «Нельзя тяготиться этим, раньше во времена Пророка подметали полы даже бородой».

Замечено, что делегат Шамси Тукави из Белебейского кантона агитирует среди делегатов: «Нужно добиться того, чтобы наши наказы не оставались без последствий, и, если по тем или иным вопросам в силу шариата нужно будет изменять некоторые декреты совласти, нужно этого добиться, пусть власть преклоняется перед нашими требованиями! Съезды нужно созывать чаще, по крайней мере, один раз в год, но если будут так, как этот бездеятельный, идущий по направлению ветра, то хватит в десять лет один раз!»

После обсуждения доклада организационной комиссии заседание закрылось.

2 ноября, 9-й день съезда.

Председательствует Габдурахман Гумеров. Мандатная комиссия зачитывает список утвержденных делегатов. Всего прибывших делегатов 427 человек. По отдельным районам эти делегации распределяются следующим образом: Башреспублика - 98 человек, Татарская Республика - 75, Казахстан - 130, внутренние губернии РСФСР - 76, Каракалпакская область - 3, из разных мест СССР - 41, Украина - 3, Китай - 1.

После рассмотрения и утверждения доклада мандатной комиссии съезд заслушивает доклад З. Камалетдинова об организации издательской деятельности и снабжения приходов религиозными книгами. Камалетдинов указывает, что с момента издания Декрета о вероучении и по настоящее время открыто 928 религиозных школ и что это количество на тринацать тысяч приходов очень незначительное. В следующем году число школ по изучению вероучения увеличится минимум до четырех тысяч, и, беря для каждой школы примерно двадцать человек учащихся, он делает вывод, что будет обучаться религии восемьдесят тысяч человек. Для этого количества учащихся, и для нужд тринацати тысяч приходов, нужно минимум в три года издать один миллион восемьсот тысяч книг. В Духовном управлении средств на издание такого количества книг нет, их издать можно только с помощью самих мусульман...

Следующим заслушивается доклад комиссии по рассмотрению наказов с мест. Всего в комиссию поступило двести десять наказов. После бурного обсуждения принимаются следующие предложения:

...Религиозные курсы в медресе открывать там, где этого пожелает народ. В тех местах, где школы вероучения открываются не первый раз, просить власть разрешить не брать на них разрешения, а только об этом ставить власть в известность.

...Предоставить право преподавания вероучения не только духовенству, но также и тем, кто имеет удостоверение Центрального Духовного управления или мухтасибата о сдаче экзамена на право вероучения.

...Принять меры к тому, чтобы местные власти не препятствовали проведению в жизнь Декрета ВЦИКа о вероучении. Просить разрешить преподавание вероучения в религиозных школах ежедневно.

...Проводить в жизнь все постановления съезда и инструкции Центрального Духовного управления.

...Принять меры к обеспечению населения Кораном и другими религиозными книгами. Выпускать журнал «Ислам» полнее и приспособить его содержание к моменту.

...Принять меры к увеличению числа разъездных орагоров с тем, чтобы они разъезжали больше по деревням и заводским районам. Принять меры к подготовке проповедниц и исповедниц из среды женщин. Принять меры к изданию проповедей в большем количестве, чем это было до сих пор.

...Взять Центральному Духовному управлению под свое наблюдение нравственную сторону жизни духовенства.

...В предстоящем избрании ревизионной комиссии избрать в ее состав специалистов.

...Принять меры к борьбе с проституцией и пьянством в мусульманских приходах.

...Принять меры к открытию при мечетях и медресе религиозных библиотек. Принять меры к переводу на родной язык Корана и изречений пророка.

После принятия этих пунктов, предложенных комиссией, среди делегатов съезда начался беспорядок (крик, шум) и возгласы недовольства. Говорили, что комиссия многих вопросов, имеющихся в наказах, не внесла в свои предложения, и, в результате, решено заседание закрыть, а недовольным делегатам предоставить возможность свои предложения зарегистрировать в комиссии, которой, после их рассмотрения, сделать доклад на следующем заседании съезда еще раз.

Среди выкриков были слышны и такие: «Среди нас есть шпионы, пусть они слышат наши требования!»

Некоторые делегаты подозревают президиум в том, что он якобы тесно связан с совбластью, в этом подозревают некоторых членов Духовного управления, как-то К. Тарджиманова. Среди делегатов циркулируют также слухи о том, что якобы на местах изданы распоряжения о повсеместном закрытии религиозных школ.

В вопросе пересмотра наказов более всех настойчивы казахские делегаты.

При выходе со съезда представитель власти Ишматулин одному из делегатов, идущему рядом с ним, говорит: «Неужели все эти требования истинно народные?» Из толпы кто-то отвечает: «Вы думали, что взвуждали народ ко всему этому мы, мullahи? Нет, ошиблись, это представители масс сами своими устами говорят о своих требованиях!»

3 ноября, 10-й день съезда.

Председательствует Зияэтдин Камалетдинов. Заслушивается доклад комиссии по рассмотрению жалоб на Духовное управление. Докладчик говорит, что все жалобы комиссия признала необоснованными и постановила оставить их без последствий. Это предложение комиссии ставится на голосование и принимается.

Далее рассматривается доклад комиссии по рассмотрению наказов. В результате решено принять меры к возвращению в распоряжение приходских бывших зданий религиозных медресе и мектебе, производить вероучение с десятилетнего возраста, организовать при Духовном управлении свою типографию, обеспечить духовенство жалованием, разрешить выступать в прессе против атеизма в литературном духе, при разрешении на открытие религиозных школ не ставить в обязательство наличие при этом мечети. Все эти пункты рассматриваются съездом как пожелания.

Особенно много споров вызывает вопрос о возрасте, с которого необходимо начинать изучение ислама. Обсуждение идет шумно, сопровождается криками. Наиболее обстоятельно выступает К. Тарджиманов, который говорит: «Мы же знаем, как Советское правительство в наших религиозных делах идет всегда навстречу, и уже декретом 1924 года только мы со всех наций в единственном числе в пределах РСФСР получили право вероучения. Это право мы в большинстве случаев по своей вине еще не использовали на все сто процентов. Нужно ли нам требовать неограничения возраста? Мне кажется – не следует, ведь нужно же немного быть скромными в своих требованиях. К тому же, этот пункт в основе противоречит существу декрета, следовательно, требуя этого, ВЦИК должен будет изменить весь этот декрет, а это, фактически, невозможно...»

Шум, выкрики продолжались. После этого выступает Муса Бигиев со следующей речью: «Дело все не в установлении предела в возрасте учащихся. У меня шесть человек детей, они учатся в совшколах, но и не забывают вероучения, занимаясь усердно после занятий в советских школах. Здесь вопрос зависит от постановки религиозного воспитания, нужно уметь воспитывать детей в нужном нам духе, но не делая недоступной для них и науку. Не получилось бы со всего этого то, что обручи лопнут и вода выльется... Тогда собрать эту воду будет делом не слишком лег-

ким для нас! Нужно довольствоваться имеющимся. Не нужно игнорировать и советские школы – нужно посыпать туда своих детей. Ведь мы еще не полностью использовали предоставленное нам право в этом вопросе...»

Выкрики и возгласы с мест усиливаются. Шум нарастает все более и председательствующий пытается призвать съезд к порядку, но из этого ничего не получается. С мест слышны возгласы: «Мы сюда прибыли за тысячи верст только для того, чтобы изложить все истинные свои пожелания! Нам нужно, чтобы вероучению не было никаких препятствий...». Или: «Мы не Мусы Бигиевы, мы крестьяне, а не московские муллы, им хорошо так говорить...»

Работа комиссии по рассмотрению наказов в целом признается удовлетворительной. Затем заслушивается предложенное оргкомиссией «Положение об Ученом совете», которое сводится к следующему: Совет улемов подчинен Духовному управлению, в его обязанности входит составление программы для школ, медресе и курсов, перевод Корана и других книг на татарский язык, и вообще воспитание масс в религиозно-нравственном духе. Доклад не вызывает особых прений и утверждается. На этом заседание закрывается.

4 ноября, последний день съезда.

Председательствует Мирза-Али Сартбаев. Проводятся выборы закрытым голосованием муфтия и членов Центрального Духовного управления. В результате муфтием вновь избран Ризаэтдин Фахретдинов (за - 350 голосов, против - 36), казыями - Кашифутдин Тарджиманов, Зияэтдин Камалетдинов, Габдулла Сулейманов, Мухлиса Бубинская, Магдей Магкулов, Хусайн Байгильдин.

После выборов принимаются предложения в связи с наступлением 9-й годовщины Октябрьской революции послать приветственные телеграммы Сталину, Ворошилову и в Академию наук в Ленинграде. Затем зачитывается обращение к мусульманам, составленное Мусой Бигиевым, которое съездом принимается единогласно.

Это обращение следующего содержания: «Преданная уважаемая нация пророка ислама Мухаммада, да благославление ему. Вы, исламские нации в России, хотя вы из разных племен, но из вас каждый по происхождению... есть верующий мусульманин. Вы в данное время в культурном веке среди России являетесь свободными республиками. Ваша

религия велика, ваше происхождение велико, ваша кровь чиста. Полны крови ваши жилы, исламская религия в ваших сердцах, любовь к культуре и восхищение к религии.

После мировой войны благодаря великой революции земля возвращена вам самим, религия ваша осталась только в вашей воле. Будьте любителями своей земли и Родины. Во всех случаях соблюдайте вашу религию, относитесь с уважением к каждой и подчиняйтесь правительенным порядкам.

Жизнь на этом свете - это молитва... Со всей силой, во всех случаях в домах, начальных школах и мечетях соблюдайте чистоту и основы гигиены, и тогда будет уважение и счастье в ваших семьях, нравственность и красота в ваших дочерях, сила и энергия в ваших детях и здоровье в ваших родах. Отдавайте ваших детей в народные школы, в государственные школы в деревнях и в городах. Обеспечивайте нравственность и религию в ваших детях семейным и мечетным воспитанием. Если матери ваших детей будут уважаемыми хозяйствами в ваших домах среди семьи, если ваши дети наполнят народные школы, государственные школы и культурные маджи, если сами займетесь на своих базарах торговлей, на земле - земледелием, то среди наций будете уважаемыми и почитаемыми нациями. Экономический мир открывается силой сохи. Страйтесь всеми усилиями в восстановлении сельского хозяйства и принимайте все мероприятия государства. Соблюдайте жизненные порядки, исламскую нравственность и хорошие мероприятия государства. В любое время и каждый из вас осторегайтесь пьянства.

Обязывайте себя лозунгом: «Долой неграмотность», и дайте грамотность каждому из российских мусульман...

После мировой войны, после опасного голода в пропасти оставались тысячи сирот, нуждающихся детей, нетрудоспособных и инвалидов во всех концах нашей земли. Протяните им руку помощи с силой веры в ваших сердцах и с пригибанием ваших милостивых глаз.

Останутся освобожденными милые дети от пропасти, девочки от адских унижений и сыновья от вреда хулиганства.

Уважаемая община! Миссия ваша полностью выполнена. Будьте постоянно на правильном пути, могущим быть хорошим примером во всех случаях для ваших прихожан!

После принятия этого обращения Муса Бигиев в своей последней речи, обращаясь к делегатам, говорит, что, несмотря на то, что съезд был создан для разрешения исключительно религиозных вопросов, однако им приняты ряд пунктов, содержащих в себе политические требования, а принятие такого рода решений незаконны и недопустимы, эти требования новым составом Духовного управления выполнены быть не могут и выполняться не будут!

Затем слово предоставляется делегату Шамсулу, который утверждает, что съезд от власти вовсе ничего не требует, а только просит, как дети просят отца. Слова эти тут же обыгрываются Бигиевым: «Вы просите, хорошо, но я вам заявляю, что Духовное управление проводить в жизнь эти просьбы не будет!» После этих слов Шамсулла пытается провести предложение об избрании делегации в Москву с ходатайством об удовлетворении решений съезда, но М. Бигиев лишает его слова, говоря, что все, что в силах, Духовное управление сделает само, а что невыполнимо и невозможно, от того следует отказаться. На эти выступления съезд никак не реагирует, вопрос остается открытым.

В заключение выступает муфтий Ризаэтдин Фахретдинов, который также указывает на необоснованность в этот момент каких-либо политических требований и призывает съезд реализовать то, что указано и разрешено властью. После этого Муса Бигиев зачитывает аят из Корана, Ризаэтдин Фахретдинов произносит небольшую речь и объявляет съезд закрытым.

13.

Мусульманский съезд, руководство Центрального Духовного управления демонстрируют желание сотрудничать с властями. В телеграмме, направленной делегатами в адрес наркома иностранных дел Чичерина, в частности, говорится: «Съезд вполне уверен: мусульманские народы поймут, что их освобождение, культурно-экономическое развитие зависят от тесного объединения мусульманского мира с пролетарским миром во главе с Советской властью».

Но простой лояльности властям уже мало, им необходимо полное подчинение. Материалы съезда тщательно изучаются руководством Восточного отдела ОГПУ и оцениваются как организованное на-

ступление духовенства на позиции Советской власти. В правительство направлена соответствующая докладная записка.

Чекисты подчеркивают: духовенство стремится отстоять и свои политические права, и сохранить свои экономические ресурсы. Имамы требуют расширения прав в области религиозного образования, борются против советских атеистических школ, комсомола, женского и пионерского движений, против кооперации, и одновременно с этим создают кассы взаимопомощи, денежные фонды, пытаются возвратить имущество, принадлежавшее ранее религиозным общинам - здания мечетей и медресе, а также вакуфов, имущества, переданного мусульманским общинам ее прихожанами. Сам факт существования у мусульманских общин вакуфного имущества, неподконтрольного властям, противоречит большевистской политике по уничтожению всех иных видов собственности, кроме государственной. Все говорит об усиении активности классового врага. Требуются немедленные ответные меры! Вот смысл записки, подготовленной ОГПУ.

К 1927 году Центральное Духовное управление в Уфе объединяло почти пятнадцать тысяч приходов. Это само по себе настораживает власти. В каждой религиозной общине они видят центр сопротивления, а их совокупность пугает. В эти годы по всему округу, подчиненному уфимскому муфтиату, проходят мусульманские сходы, где верующие выражают недовольство ущемлением своих прав. Они требуют приравнять в правовом отношении духовных лиц к гражданским, отменить подоходный налог с духовенства, детей духовенства принимать в государственные учебные заведения наравне с другими, не ограничивать изучение ислама, прекратить антирелигиозную пропаганду на общественных собраниях и в газетах, передать обряды венчания, рождения и разводов в ведение духовных лиц, прекратить изъятие зданий мечетей, мектебов и медресе, предоставить Центральному Духовному управлению право на организацию типографии для издания религиозной литературы.

Все эти требования становятся объектом разбирательств уфимских чекистов. Республиканское совещание партийных работников выносит решение еще более сузить возможности Центрального Духовного управления и подчиненного ему духовенства. Мусульманские съезды в республике реше-

но созывать теперь не чаще одного раза в три года, обсуждать на них лишь богословские вопросы. Постановление властей ограничивает состав выборных приходских органов, вводятся новые ограничения по налогам.

Местное руководство стремится вытеснить Центральное Духовное управление мусульман из Уфы. Правительство Башкирской автономии просит ВЦИК о переводе Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири из Уфы в Казань или Москву, - с такой инициативой выступает нарком внутренних дел Башкирии Шагит Худайбердин. Но это решение не учитывает сложившихся традиций, согласно которым центральное мусульманское ведомство размещалось именно в Уфе, в географическом центре страны, в самом сердце России. Не отвечает интересам государства и размещение Центрального Духовного управления в Казани - это нарушает сложившийся в государстве баланс и распределение ролей. На Всероссийском съезде мусульманского духовенства в 1906 году вопрос о переносе Духовного управления в Казань уже обсуждался, но решение по нему было принято отрицательное. В интересах нового советского строя сохранить именно Уфу в качестве официального центра российских мусульман.

В этой ситуации муфтий Фахретдинов едет в Москву и обращается с письменным докладом к Председателю ВЦИК М.И. Калинину: «...С момента установления советского порядка правления и с декретированием равенства всех граждан... как служители мусульманского культа, так и религиозные организации мусульман проявили и продолжают проявлять свою полнейшую лояльность по отношению к советской власти, но, невзирая на это, по независящим от их воли обстоятельствам, все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения и исчезновения с лица земли.

Представленные, согласно существующих законоположений, по договорам в бессрочное и бесплатное пользование обществом верующих молитвенные здания - мечети, помимо их воли, и согласия их в многочисленных случаях были отобраны и использованы для других целей. Такое насильственное отобрание происходило или по постановлениям собраний без ведома и участия верующих, заключивших договор на данное зда-

ние, или в некоторых нередких случаях по постановлениям представителей власти и комсомольцев, а в некоторых случаях верующие, запуганные разными угрозами, при голосовании вопроса о мечети были вынуждены молчать, и постановления выносились от их имени.

...Во многих местах служители мусульманского культа были облагаемы непосильными, несоответствующими их фактическим доходам налогами... и заданиями на доставку хлеба, невыполнимость которых очевидна, и их имущество по неуплате налога и невыполнении хлебного задания... было продаваемо с торгов или конфисковано под видом штрафа. Сами же они... арестованы или высланы из места жительства, жилища их отобраны, а семьи их безжалостно выброшены на улицу. ...Мухтасибы, муллы и муэдзины, вне зависимости от размера их хозяйства, были раскулачены под разными предложениями или лишины свободы, или высланы, имущество их конфисковано, семейства выселены из домов и оставлены без всяких продуктов питания... Были случаи, когда при тщетных поисках приюта дети, оставленные на улице, отмораживали себе ноги. Такое издевательское, почти бесчеловеческое отношение к духовенству и их семьям в большей части имело место в Татарской и Башкирской республиках.

...Во время сбора в Татарской и Башкирской республиках старого железного лома, тряпья... во многих деревнях, в виде этого утильсырья у мулл и рядовых верующих были отбираемы экземпляры священного Корана и книги вообще религиозного содержания.

...В результате вышеперечисленных стеснений и пристрастного отношения представителей местной власти, громадное большинство мусульманских приходов закрылось, служившие связующим звеном между ЦДУМ и отдельными приходами управления мухтасибов перестали функционировать.

...Все эти обстоятельства в целом рисуют печальную перспективу окончательного разрушения наших религиозных организаций и прекращения их существования».

Фахретдинов просит Президиум ВЦИК отдать распоряжение о беспристрастном рассмотрении фактов закрытия мечетей, об освобождении из мест заключения и возвращении из ссылки мусульманского духовенства, о пересмотре дел сосланных

в административном порядке мухтасибов, имамов, муэдзинов.

Муфтия Калинин не принял, с ним встретился председатель комиссии по культовым вопросам П.Г. Смидович, который в последующем докладывал: «Муфтий (старик лет восьмидесяти), которого я принимал, передал устно как бы предсмертное завещание: 1) сохранить в целом архив, который накопился за 150 лет работы ЦДУМ и представляет историческую ценность; 2) библиотеку передать в Академию наук и 3) разрешить всему мусульманскому духовенству выехать за границу с предоставлением паспортных льгот».

Какой-либо серьезной реакции на заявление Ризаэтдина Фахретдинова не последовало. Официальная власть признала, что допущены перегибы в проводимой религиозной политике, но отношения между ней и духовенством не изменились.

14.

В старости у Фахретдинова в привычку вошло по воскресеньям приходить на мусульманское кладбище, где он бродил среди могил, рассматривая надписи. При жизни он указал место, где хотел бы быть похоронен. С февраля 1936 года Ризаэтдин начал слабеть и, по воспоминаниям близких, потерял надежду на выздоровление. Он говорил тогда: «Не хороните меня во дворе мечети рядом с муфтиями». Одному из сотрудников Духовного управления он завещал: «Когда придет время, и я покину мир, мои дети увидят смерть и растеряются, не зная, что делать. Поэтому я поручаю тебе почетную обязанность похоронить меня. Ты сделашь все как надо и подскажешь детям, что нужно делать».

Это была не смерть. Просто малая река впадала в большую.

В середине апреля он был похоронен на месте, указанном им ранее. Над его могилой прочитали Коран, а затем, согласно завещанию, провожавшие его в последний путь в молчании разошлись. На кладбище пришло много людей, но речей, ему посвященных, не говорилось. Как он и хотел.

Есть предание, что в Кичучатово, родном селе Ризаэтдина Фахретдина, сотни мусульман, узнав о его смерти, собрались тайно ночью для прочтения поминальной молитвы по усопшему.

* * *

Кончина Фахретдинова стала поводом для окончательного разгрома Центрального Духовного управления, а заодно и Башкирского Духовного управления.

Суть обвинений по «Делу о заговоре руководителей ЦДУМ» сводилась к тому, что заместитель муфтия казый Тарджиманов под руководством муфтия Фахретдинова решили объявить о закрытии ЦДУМ с целью спровоцировать тем самым выступления против советской власти. Уже по ходу следствия были добавлены обвинения в связях руководства Духовного управления с эмигрантскими организациями Японии, Германии и Финляндии, что позволило использовать формулировку «ши-

онско-диверсионная деятельность». Как само собой разумеющееся, служителям культа вменялась вину агитация, направленная на ослабление советской власти.

Арестовано было все руководство двух Духовных управлений, Центрального и Башкирского, а также некоторые из числа духовных лиц и прихожан. Одной из первых была расстреляна женщина-казый Мухлиса Бубинская. Позже к расстрелу были приговорены ахун, член Ученого совета Центрального Духовного управления Джакангар Абызгильдин и член Ученого совета Шараф-Шагар, муфтий Башкирского Духовного управления Мутагар Камалетдинов, инженер «Башнефти» Зия Мужавиров, Мулланур Усманов, Хабибулла Ахтямов. Другие были приговорены к различным срокам заключения.

Глава XV

«ЛАЗУРЬ НЕБЕС БАГРЯНЫЙ ШЕЛК СМЕНИЛ...»

*Шейх братства Накшбандийа Зайнулла Расули и муфтий Габдрахман Расулев. - Медресе «Расулия».
- В годы сталинской чистки. - «Мусульманский фактор» в начальный период войны, оживление
религиозной жизни. - Духовное управление и помощь фронту.
- Религиозная жизнь в послевоенные годы.*

1.

Путь муфтия Габдрахмана Расуева к духовной власти и признанию был непосредственно связан с авторитетом личности его отца, Зайнуллы Расули, шейха, или ишана, братства Накшбандийа. Мы уже не раз называли это имя.

В деревне Шарипово неподалеку от Учалов у речной плотины стоит на взгорке невысокая стела - памятник Зайнулле Расулову, религиозному деятелю, знаменитому башкирскому шейху, врачевателю с даром пророчества. Огромной черной шапкой нависает над долиной речки Уй скала Уйтган, рядом высится каменистая грядка хребта Нуралей, вдали виднеется горный конус Аунгташ.

Здесь, в Шарипово, или ауле Шариф Златоустовского округа Оренбургской губернии, в семье муллы 9 апреля 1835 года родился Зайнулла-бин Хабибулла-бин Расуль, получивший известность как шейх

Зайнулла аль-Халиди, Зайнулла аш-Шарифи ан-Накшбанди, Зайнулла-ишан или Зайнулла Расулев.

Основы грамоты он постигал у бухарского учителя в соседней деревне Малый Муйнак, в шестнадцатилетнем возрасте уехал в Троицк, где стал учиться в медресе при Первой Каменной мечети. Наставник его тоже был из Бухары - Ахмед бен Халид аль Минкари, принадлежавшей к приверженцам суфизма традиции Халидия, поэтому Зайнуллу Расуева, его ученика, называли первоначально Зайнулла аль Халиди.

После семи лет обучения Расуева назначают имам-хатыбом и учителем в деревню Аккужа близ города Верхнеуральск Оренбургской губернии, здесь он основывает медресе, здесь у него появляются первые ученики. В 1859 году он отправляется в село Чардаклы возле Челябинска, где вступает в орден Накшбандийа. В соответствии с порядком, Расуев получает посвящение из рук Абд аль-Хакима Курбан Али Чардаклы.